

Б Е С С О Н Н И Ц А
INSOMNIA

ИЛЬЯ ВЕТКИН

СТРАННИЦА

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Илья Веткин

Страница

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589955

Страница: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4550-5

Аннотация

Корней Велес – успешный юрист, женат вторым браком, любит жену Ингу и ее дочь Майю. Корней надеется на то, что у них появятся и общие дети, но в душе его зарождается сомнение. Он узнает, что Инга вместе с дочерью тайком от него часто выезжает в ближайшее Подмосковье. Неожиданно Корней обнаруживает дома акварель – женский портрет, исполненный по образцу работы Веласкеса «Венера перед зеркалом»: на ней изображена женщина, обращенная к зрителю спиной и рассматривающая свое отражение в зеркале. С одной разницей: на акварели в зеркале отражается лицо нелюди, кошмарный образ, будто извлеченный из дурного сна. Вместо подписи в нижнем углу картины исполнен выцветшей старинной вязью шифр. Велес пытается разгадать загадку, но выбирает для этого, вероятно, не самый удачный момент.

Содержание

Второй брак	4
1	4
2	11
3	20
Предшествующий муж	29
4	29
5	36
6	46
Дачные хлопоты	56
7	56
8	62
Трое в джипе	70
9	70
10	75
Числа	80
11	80
12	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Илья Веткин

Страница

Второй брак

1

Впервые в жизни он так много и так подробно рассказывал о своей жене кому-то постороннему. Ощущение было странное и тревожное. Примерно как на приеме у хирурга. Вопросы, которые задавал человек, сидящий по ту сторону низкого стеклянного стола, напоминали холодные докторские пальцы.

Поначалу, правда, пришлось говорить о себе. Но тут-то все было понятно, и деталей не требовалось. Он негромко обозначил то, что посчитал нужным, и мужчина за столиком быстро записал это у себя в блокноте: Велес Корней Евгеньевич, сорок один год, юрист. В Москве живет последние двенадцать лет, родился в Чернигове.

Он не обязан был говорить даже это. Он вообще ничего не был обязан. Его не допрашивали, и напротив него за низким гостевым столиком сидел не пытливый следователь, но работник частного сысского агентства. Однако Корней созна-

вал, чувствовал, что качество оказываемой ему услуги может зависеть от объема информации, которую предоставит он. И еще важно было, чтобы сидящий напротив мужчина с блокнотом проникся некоторой безотчетной симпатией к клиенту. Это было бы кстати. С учетом деликатности задачи. Сам по себе данный мужчина, частный сыскарь (судя по визитке, замдиректора агентства) – хмурый русоволосый крепыш в строгом темном костюме – в общем, понравился Велесу. Ну, и рекомендован он был весьма твердо.

– Виноват, – мужчина с блокнотом поправил галстук, – я правильно записал ее возраст? Тридцать два года? Хорошо. Так. Проверьте меня, Корней Евгеньевич, все ли я тут точно... Значит, вы женаты четыре года и... пять месяцев. Вот эти ее задержки по работе и отъезды начались в этом году, в марте. И с тех пор повторялись примерно пару раз в месяц. Так? На майские особо отметим. На работе о каждом таком случае никто ничего не знает. Заканчивает она обычно около четырех. Так. Обычный график медсестры...

– Она – старшая с прошлого года, – вставил Корней.

– Так. Телефон в эти вечера она обычно отключает. Мотивирует каждый такой случай по-разному...

– Тут есть такая деталь... – Корней поставил на блюде чашку с кофе. – Она собирается поступать в медицинский. Давно собирается. И говорила мне, что время от времени ездит в центральную медицинскую библиотеку. Она вроде бы там записана.

Это на Профсоюзной... В общем, пару раз... или больше она предупреждала, что будет вечером там. Да... В общем, чаще всего ссылалась на библиотеку. Говорила, что там нужно отключать телефон, если работаешь в зале.

– Но у вас уже были сомнения, да?

Корней качнул крупной с залысинами головой.

– Сомнения оформились недавно, ну, месяца три назад, в начале мая. Просто я узнал, что перед праздниками – и тридцатого апреля и первого – библиотека не работала... А она якобы там провела тридцатого весь день. Ну, про другие случаи я рассказал.

– Если говорить обо всех случаях... Можете вы утверждать, что готовы подозревать кого-то конкретно? Ну, определенного мужчину? Извините, конечно, но я должен и это уточнить.

– Нет, – покачал головой клиент, – вот в этом отчасти и дело. За эти полгода я так ничего и не смог понять. Никого не смог вычислить... Я прекрасно знаю всех, с кем она работает. Ну, может быть, еще первый муж. Я, правда, сомневаюсь, но все же... Вот его имя и фамилия. Адреса не знаю. Честно говоря, не могу представить, чтобы они встречались... Ну, в общем, посмотрите.

Мужчина с блокнотом покивал, взглядываясь в записи и поигрывая гелиевой ручкой.

– А с ребенком в этих случаях остаетесь вы? – уточнил он.

Корней пожал плечами:

– Ей четырнадцать уже. Так получалось, что она всегда в этих случаях была у тещи. Ну, или почти всегда. Ну да. Инга ее вроде заранее отвозила. Я тут что думаю... Она с матерью может быть более откровенна. В том числе и по телефону. Мне кажется, теща моя что-то знает. Я вам, Антон Сергеич, дам ее телефон... Она в Бутове живет. Послушать бы их.

– Понятно, – Антон Сергеич заглянул в блокнот, – попробуем. Хотя сами знаете. С точки зрения закона...

– Знаю. Мне полная картина нужна, – произнес Корней фразу, которая как бы резюмировала получасовой разговор. Но тема еще не была исчерпана.

Строгий Антон Сергеич, помедлив, спросил:

– Я мог бы еще кое-что уточнить... с учетом возможных вариантов. Деликатный вопрос... Вы замечали в последние месяцы, что ее отношение к вам изменилось? Ну, иными словами, стала ли она холоднее? И в душевном, и в интимном смысле?

– Нет, – сказал Корней твердо, – нет. Вот усталой иногда казалась больше, чем обычно. А так... Такая же спокойная, мягкая.

Он припомнил бледное, круглое, склонившееся над ним лицо Инги – встревоженная луна: «Что с тобой? Ты сейчас так громко говорил во сне!» – «Да?.. Нет, все нормально. Нормально. Нет, не помню, что снилось».

Сама-то она всегда спала совершенно безмолвно. Сном праведника.

– Ясно. – Антон Сергеич почесал ручкой за ухом. – В общем, вопросов больше нет. Так. Сейчас покажу вам договор. Пробежитесь глазом профессионала. Если что не так – поправим.

В соседней комнате одну из стен занимала огромная подробнейшая карта Москвы. Такую же или подобную ей Корней Велес видел до этого всего раз. Его тогда уверяли, что она изготовлена с учетом новейших данных космической и аэрофотосъемки в единственном экземпляре. Корней усомнился. С той картой, помнится, работали в горизонтальной плоскости.

Сотрудник частного сыскного агентства выложил на пустой письменный стол два экземпляра договора. Клиент взял один и уселся в кресло возле пышного, ярко-зеленого, явно искусственного куста в кадке. Сотрудник выждал и мягко прокомментировал:

– Видите, я это все обозначил как сбор сведений по гражданскому делу... Ну, иначе нельзя... По статье три.

– Я знаю.

Антон Сергеич делал вид, что, сидя за столом, одновременно штудирует тот же текст. Но, кажется, он исподтишка разглядывал клиента.

Корней отметил это и вновь ощутил себя персонажем какого-то давно просмотренного фильма: частное сыскное агентство, обманутый муж (жена), дрожащий голос, долгие расспросы, веер фотографий... Да, имело место зыбкое чув-

ство нереальности происходящего, но больше ассоциаций было не с драмой, а с фарсом.

Корней кашлянул и заметил:

– Давайте тут предусмотрим возможность пролонгации договора...

Антон Сергеич встрепенулся.

– Чего?

– Возможность продления еще на пару недель, если месяца вам не хватит.

– А! Да-да, конечно...

– И конечно, такая вещь... Но это не для договора. В общем, она ничего не должна почувствовать, заметить. Понимаете? Я вообще не ставлю целью уличить ее, застать с полличным. Я хочу разобраться. Я дорожу браком... Вот такое условие.

Антон Сергеич поправил галстук.

– Но это ж само собой.

– И все же.

– Понятно.

Корней положил перед ним листки договора и встал. Посмотрел на собеседника пристально.

– Сами-то вы женаты?

– Девять лет уже, – с готовностью ответил Антон Сергеич. – Говорят, десятый – критический. Но это если в первом браке.

– Любой год может стать критическим, – пробормотал

Корней, – и в первом, и во втором тоже...

2

Его вторая семейная жизнь протекала уже четыре года и все еще оставалась насыщенной нервными ожиданиями и волнующими томлениями. Как у не вполне уверенного в себе молодожена. Такое состояние не было совершенно нетерпимым (он слышал, многие к чему-то подобному стремятся), но со временем стало вызывать смутное беспокойство. Сорокалетний Корней Велес не принадлежал к породе нервных и сентиментальных мужчин. Он принадлежал к совершенно иной породе.

В отношениях с женщинами еще с юности, с самой студенческой поры он был находчив, напорист и почти агрессивен. Энергичный стиль гармонировал с его обликом, с кряжистой фигурой, с манерой говорить быстро, с некоторым избытком резкости в движениях. Его шутливо упрекали иногда в том, что он невольно давит на собеседника. Во время разговора он чуть наклонял крупную голову с широким лбом, глядел пристально, исподлобья. Мог при этом оставаться приветлив, но мог взглянуть свинцовым взглядом. Он умел быть весьма убедительным и замечательно олицетворять мужскую волю – упругую, твердую, как бицепс гимнаста. На дам разного возраста это производило обычно выгодное впечатление. В юности он редко играл в футбол, но именно в жизни, а не на футбольном поле ощущал себя форвардом таранного

типа.

С его грубоватой мужественностью хорошо бы вязался какой-нибудь рискованный, энергичный бизнес. Однако последние двенадцать лет выпускник юридического практичный Корней Велес был занят работой спокойной и надежной. На заре карьеры он, правда, не избежал трехлетнего эксперимента в роли следователя районной прокуратуры – поддался импульсу, уступил голосу природы. По натуре он, наверное, и впрямь был разведчик, сыщик, следопыт. Но эти специальности оплачивались все еще плохо. Корней вовремя спохватился и с некоторой натугой сменил специализацию. В адвокаты он не пошел, но устроился юрисконсультантом в одну приличную фирму, а лет через пять сменил ее на еще более приличную, где к тому же главным лицом был бывший соратник. Дальше у него все ладилось, все стелилось довольно гладко.

В первый раз он женился тридцатилетним. К священному этому моменту он накопил изрядный опыт исследований – женских характеров, а равным образом организмов. Сам себе он казался сильным, спокойным и рациональным. Рациональность достигала градуса расчетливости. Тот факт, что молодая жена была в него влюблена, был столь же важен, как и то, что она происходила из семьи с достатком. Молодоженам была выделена добротная однокомнатная квартира в Химках. Для уроженца Чернигова Корнея это было очень кстати. На двухкомнатную полагалось заработать.

Ему казалось тогда, что течение жизни обрело положенную устойчивость. Он будто нащупал твердую колею: неплохо зарабатывал, нормально ладил с женой и усматривал впереди вполне улыбочивые перспективы.

Еще казалось, что его вкус за последние годы вполне устоялся, вобрал и просел весь разнобой оттенков и мелочей. Ему была свойственна склонность к некоторой комбинации женских свойств и цветов: сочетанию темно-русого, золотисто-пушистого, округло-мягкого, миловидного, некрупного. Ему нравились милые курносые светлые девчушки, игравшие в фильмах для юношества лучших подруг главных героинь – надменных и темноватых. Ему нравилась, наконец, его жена.

Вряд ли он был слишком изыскан. Но с этим букетом, луговым и скромным, никак не гармонировало растение, именуемое Инга Уразова.

Корней познакомился с ней в светлом больничном коридоре, по которому блуждал в поисках кабинета УЗИ. По протекции жены он собирался обследовать печень и почки. Что-то там его беспокоило. Теперь уж и не вспомнить. Инга указала нужную дверь, успела обменяться с ним парой долгих взглядов. Корней был поражен. Считая себя искушенным мужчиной, он и представить не мог, как может его сразить и обезволить своеобразная женская красота. Тем более красота, явно имевшая смешанное происхождение, то есть питавшаяся силой и кровью разных народов. Ее восприятие и

впрямь требовало особого вкуса, которого Корней ранее в себе не обнаруживал. До встречи с Ингой.

Азиатскую бледность и нежность округлого лица под пышной гривой жестковатых волос цвета южной ночи унаследовала она от отца-таджика. Еще были крупные, удлиненные, слегка раскосые глаза спелого оливкового цвета, прямой нос и небольшой тонкий рот. Трудно было сказать, что ей передала русская мама. Красота Инги была оригинальна. Ее губам, впрочем, недоставало, на его взгляд, чувственности. Как-то позже он ей об этом сказал. Инга на это усмехнулась своим правильным тонким ртом. Крепкое ее, плотноватое тело казалось неправдоподобно, искусственно стройным: как будто сухощавая долгота чутких ног в пределах среднего женского роста не могла перетекать в столь волнующую, симметричную нежно-зыбкую пышность. Симметричность влекла. К фигуре Инги не оставались равнодушными даже скользкие взгляды женщин.

Его влюбленность носила обвальный характер. Грохот сердца, правда, слышал он один.

Корней получил номер ее телефона и несколько раз навещался на работу – в больницу. Между прочим, отметил – по россыпи деталей, штришков, – что к Инге, вопреки ее скромному статусу медсестры, часть персонала явственно питала чувства близкие к почтительным. Или даже точнее – близкие к почтительному обожанию. Он, помнится, воспринял это как должное. На этом фоне ее мягкость и даже

робость в отношениях с Корнеем подкупали. Впрочем, дело было вообще не в мягкости и даже не в блеске зеленых глаз...

Они еще как-то просидели вечер в небольшом, но дорогом ресторане «Сан-Марко» на Арбате. А потом Инга провела с ним выходные в пансионате под Истрой. Два этих подмосковных вечера не стали новой главкой или главой в романе, поскольку некое рубежное событие состоялось еще в прологе – во время одного из его визитов в больницу. Именно после этого достопочтенный, искушенный Корней Велес ощутил то, что было ему в новинку. Он вдруг с небесной ясностью осознал, что если это не повторится, если не будет повторяться каждую неделю, нет, каждый день, если эта женщина не останется с ним, он просто взбесится, утратит смысл и вкус, потеряет интерес к постылой будничной суете. Он долго тогда вспоминал, смаковал каждую деталь, каждое ее движение и поворот фигуры. Припоминал запахи.

Такого с ним еще не бывало. Пять лет безмятежного супружества он прожил без каких-либо всплесков. Он привык принимать за норму эту умеренность ощущений, а точнее – их тихую неполноту.

И ведь не так уж была вопиюща эта подлая, упоительная разница.

Брюнетка Инга была чуть крупнее и чуть выше шатенки Лидии, чуть шире ее в бедрах. Носила небольшой, но крайне чуткий бюст, немного уступая Лидии в конкретном размере. Первая жена Корнея тщательно истребляла волосы на теле –

даже вопреки вялым протестам мужа. Инга терпеть не могла эпиляцию и, помнится, даже доказывала Корнею бессмысленность бритья подмышек – с точки зрения борьбы с запахами. Было, конечно, кое-что еще: волшебный цвет и гладкость ее кожи, упругость тела, неизмеримая никоим образом и уловимая лишь жадным индикатором мужской ладони. Были и иные нюансы, отличия, оттенки цветов и форм, способные, как выяснялось, будоражить и вызывать вопрос о смысле бытия.

Производя время от времени эти сопоставления, имевшие ветеринарный привкус, Корней испытывал что-то вроде досады и смутного стыда. Уходить от одной женщины к другой, попадая к этой последней в физиологическую зависимость, – что-то было в этом подловатое и унижительное, для выбирающего мужчины в том числе.

Он привык считать себя человеком рассудочным. Но в те дни рассудочность выражалась лишь в стремлении подыскать какие-то душевные мотивации помимо угрюмо биологических. С этим было сложнее. Обижаться на первую жену было не за что, претензии к ней не выкраивались при всем старании. О невыносимых женских характерах Корней был наслышан в основном от бедолаг-приятелей.

Инга, впрочем, словно олицетворяла добрую преемственность. Ее душевный склад напоминал Лидию. Главным их общим достоинством проступала уравновешенность, незаносчивая уступчивость – столь востребованная мужским

эгоизмом. Правда, выражать себя это качество могло по-разному. Лида была добродушной болтушкой, что особенно проявлялось в легком подпитии. Инга оставалась молчаливой и до поры могла производить впечатление человека замкнутого.

Все эти болезненно-кропотливые копания заняли у него примерно месяц. Потом вихрь завертелся.

В сюжет вплелись обстоятельства, вызревавшие исподволь. У Корнея и Лидии, супругов с пятилетним стажем, не было детей. И если поначалу, в первые три года, это служило поводом для бесед о безоблачном досуге или о мифической Лидиной карьере, то позже выросшее беспокойство как бы само стало третьим членом семьи. Жена, в конце концов, дотошно обследовалась, получила самые оптимистичные результаты (Корнею более всего запомнились ее ежеутренние ректальные измерения температуры). Он же проходить тесты так и не решился. Мужественность имеет свои пределы.

Вопрос, между прочим, становился для него все более болезненным. Тогда, в тридцать четыре года, он, пожалуй, и не представлял себе – насколько болезненным. Велес тогда старался не давать простора едкому опасению. Об уязвимости бездетных браков он размышлял, но в итоге просто решил довериться естественному ходу событий. Мудрейшее из решений.

Вопрос, однако, никуда не делся, лишь сменил статус: из тактического тихо перерос в стратегический. Жена более

об этом с ним не заговаривала, но ее спорадическая пылкость при полном (и всегдашнем) игнорировании противозачаточных средств могла напомнить о многом. Красноречивое умолчание, установившееся надолго, само по себе становилось темой.

К ней Корней решился обратиться в тот последний или предпоследний их разговор. На одну из его неожиданных реплик о том, что она еще сможет найти человека, который делает ее матерью, Лидия никак не ответила. Только сумрачно посмотрела.

В сущности, Корней оказался прав.

На противоположном берегу в это же время также ускорился процесс, до этого успешно тлевший. По словам Инги, разрыв с мужем назревал у нее давно. И такое решение проблемы вроде бы находило понимание у дочери. Причина оригинальностью не отличалась. «Если бы он просто пил, – говорила Инга, блистая глазами, – но он стал все чаще поднимать на меня руку... И знаешь, что самое дурное... Что ему это, кажется, просто понравилось!» Корней потрясенно шевелил плечами.

За короткий период времени он принял несколько быстрых, но хорошо осмысленных решений. Снял однокомнатную, грязноватую квартиру у Речного вокзала и в одночасье перебрался туда с двумя новенькими чемоданами шмоток. Потом отдельно довез книги. Перевел на счет Лидии большую часть своих трехлетних накоплений – в качестве от-

ступного. Потом довез еще некоторую сумму – наличными. Разговор, получивший статус финального, выдался особенно тяжким. Несколько звенящих фраз жены, становящейся бывшей женой, он тогда долго еще взвешивал и осмысливал.

Они звучали дурным, грозovým предзнаменованием для нового этапа его жизни. Но этап уже начался, да и мог ли он при подобных обстоятельствах ждать каких-то иных фраз?

Спустя четыре месяца после первой встречи с Ингой он переехал в ее двухкомнатное жилище в Измайлово, не сохранившее ни малейших следов долгого обитания другого мужчины. Десятилетняя Майя смотрела все еще настороженно и как-то отстраненно.

Они тогда еще планировали со временем продать их измайловскую квартиру, доплатить и купить новую – трехкомнатную. Но потом как-то не было особой нужды и охоты.

Корней приучился вскоре говорить о Майе как о дочери и охотно произносил: «А у меня дочь вчера...», «А я тут дочери купил». Велес начинал переживать, если не сказать психовать, когда Майя заболела – что случалось нередко. Он, наверное, созрел для отцовства. Это должно было радовать Ингу. И в общем, она действительно выглядела счастливой. Своеобразная, чуть сумрачная ее красота теперь, когда ей было немного за тридцать, будто набрала еще силы.

Окрестности Ново-Иерусалимского монастыря – одно из красивейших мест ближнего Подмосковья. Покупка кирпичного коттеджа среди здешних лугов на берегу реки по ценам сопоставима с покупкой дома на берегу Эгейского моря недалеко от Афин. В таком духе размышлял частный детектив Антон, сидя за рулем небольшой японской машины и докуривая вторую сигарету. Рядом напарник по фамилии Линько – полноватый, потливый, но чуткий, удерживал у глаз тяжелый армейский бинокль, нежно касаясь кольца настройки. В этом положении он пребывал почти полчаса, совершенно слившись с оптическим прибором.

Автомобиль стоял на невысоком холме, почти целиком вместившем городок Истру. Сыщики выбрали тихий окраинный проулок, вьющийся между белыми девятиэтажками, а затем круто сбегавший вниз. Отсюда, с холма, открывались зеленые пустоши и взгорья, между которыми гнездились красные крыши дорогих жилищ. Одно из них буравил сейчас усиленный армейской оптикой взгляд сыщика.

Речка, скользкая между поросших старыми ветлами берегов, рассекала пустошь пополам и уходила на запад, туда, где в несколько зубчатых рядов вставал темный еловый лес. Над лесом величественно сияла огромная коническая четырехъярусная башня – серебряная, с небольшой золотой ма-

ковкой. Рядом надувался второй золотой купол – исполинского диаметра.

Текущая у подножия холма река называлась, как и городок, Истра. Но в тех местах, где она вырывалась из леса, огибая монастырь, ее же принято было именовать Иордан.

– Вторая, – сказал Линько, не отрываясь от бинокля, – вторая тачка за час... Сейчас скажу... «Мазда»... Серая... В салоне... не вижу, нет, не вижу... Ворота закрылись, так... На Волоколамку пошла. Записываешь?

– Как там во дворе?

– Двора не видно почти, только угол у беседки, там ничего, как и раньше... Ну что, может, все? А, Сергеич? Три часа уж...

Он опустил бинокль. Антон покосился в его сторону, спрятал блокнот в нагрудный карман и извлек мобильный телефон.

– Ну, ты как там? – спросил он, отворачиваясь к окну и прижимая аппарат плотнее к уху. – Нормально? Нет у тебя ничего?

Его московский собеседник, держащий в поле зрения дом Корнея Велеса в Измайлове, ответил после паузы:

– Она не возвращалась еще. Точно. Все машины у подъезда отфиксировал... Клиента видел пару раз... На балконе... А во сколько она приехала туда, к вам? Напомни.

– Не она, – поправил Антон веско, – они. В 17.30... Ну ладно. Ты ее дождись, посмотри там, на чем доедет, а мы

сейчас двинем. Тут уже без толку. Три машины за последние полтора часа. Они могли в любой... Мы сейчас тут с Володей еще одну версию отработаем. Все, до связи.

Он сложил телефон и взглянул на напарника, прячущего бинокль в черный футляр.

Серый автомобиль аккуратно сполз с холма, прокатился вдоль реки, петляя между взгорков, поросших лиловым иван-чаем, переехал, наконец, через мост и набрал скорость. Он удалялся от Москвы и от шоссе, забирал все дальше в глубь лесистого заповедного района. Дорога еще раз приблизила их к монастырю, его купола горели в лучах предзакатного солнца. Линько развернул карту.

– Вот тут, – пробормотал он, взглядывая в окно, – вот тут я подобрался к ней чересчур... Чересчур... Могла заметить. И потому, наверное, рванула... Вот отсюда мы и... И до самой деревни.

– По порядку. Еще раз, – велел Антон. Он спокойно вел машину вдоль кромки леса.

Пухлый Володя Линько по основному месту работы числился инспектором транспортной прокуратуры. Но Антон давно уловил в нем редкостную, просто бульдожью пытливость и цепкость.

– В первый день наблюдения, – вспоминал Володя, – около половины седьмого вечера. А приехали сюда, как и сегодня, в полшестого. У меня была точка метрах в пятидесяти, у дома номер 23, с башенкой, там мусорные баки обнесены

стенкой, очень удобно... Значит, около половины седьмого из ворот выехала «семерка» с тонированными стеклами... Такая запыленная.

– Ну вот, – отметил Антон, не отрывая глаз от дороги, – если с тонированными, как же ты узрел-то?.. И зачем ей было переться отсюда еще куда-то? В лес, что ли? Что за мотивы?

– Так, по порядку. Водительское стекло было наполовину опущено. Проехала мимо меня еще не на скорости. Я успел. Думаю, что она. Хотя и в темных очках... А насчет мотивов я – пас.

Они проехали насквозь две деревни, достигли припоминавшегося белого указателя «Бузаево», обогнули это славное селение и съехали на проселок. Через несколько минут перемахнули по узкому мосту спрятавшуюся в камышах речушку. Линько стиснул ладонями круглую влажнокудрявую голову:

– Блин, не помню, была речка или нет.

– Едем дальше. Припоминай. Крути башкой, – произнес Антон спокойно.

И они поехали дальше полем, то приближаясь, то удаляясь от кромки леса. Метров через пятьсот, возле груды грязных бетонных блоков, брошенных у обочины, Линько возбужденно сунулся в окно.

– Проезжали тут! Точно. Сейчас поворот будет. И указатель – «Истратово»... Или «Кастратово»...

Дорога в поле действительно вильнула, поползла вверх, но

вместо деревни на взгорке вновь вырос лес. Он поглощал тот узкий проселок, по которому ехали сыщики, и смотрел на них с предвечерней суровостью. Прежде чем нырнуть в чащу, проселок, впрочем, отпускал от себя узкий отросток – едва различимую в траве дорогу, вьющуюся все так же вдоль лесного массива. Антон сбавил скорость. Линько выглядел растерянным. Внезапно он несильно хлопнул по сиденью.

– О! Смотри.

Прямо на них по дороге, вынырнувшей из леса, брели две женщины. Они передвигали ноги с видимым трудом и были одеты подобно многим паломницам, посещающим эти места, – в белые платки и темные платья. У каждой – заплечный мешок.

Приблизившись к ним, Антон затормозил. Линько высунулся из окна и улыбнулся улыбкой доброго кролика.

– Бог в помощь, бабушки. Мы тут деревеньку ищем. Называется примерно Истратово. Вот где-то тут должна быть – на взгорке... Заплутали мы.

Паломницы остановились, поглядели хмуро. Одна выглядела и впрямь очень ветхо – лет на восемьдесят. Маленькая, шуплая, с плотно сжатым ртом, она, как и многие худощавые женщины в этом возрасте, напоминала больную птицу. Вторая была моложе и выглядела лет на шестьдесят – шестьдесят шесть. Высокая, довольно статная, она удивляла смуглостью круглого лица и выразительностью черт: темные глаза смотрели сумрачно из-под выпуклого лба. Волосы были

спрятаны под косынку, плотно охватывающую голову.

После непродолжительного молчания произнесла неожиданно тяжелым, низким голосом, плавно махнув рукой за спину:

– А напрямки...

– Через лес, что ли? – уточнил Линько.

Паломница повторила свой странный жест, и обе женщины двинулись дальше.

– Вы ехали через лес? – осведомился Антон.

Линько пожал плечами:

– Да нет вроде. Но может, это кратчайший путь, а?

Они медленно покатали между деревьями. Линько тер потное лицо и сокрушенно качал головой. Метров через двести Антон затормозил.

– Хорош, – сказал он.

Сыщики выбрались из машины и нерешительно потоптались возле. Лесная дорога впереди обрывалась, иссякала, обращалась узкой тропкой, теряющейся в зарослях папоротника. Линько нырнул в салон, выудил карту и расстелил ее на капоте.

– Хрен с ним, с этим Истратовом, – бормотал он, – его и нет тут. Я одного не пойму... Вот смотри. Бабки-то эти, они откуда вышли? Ну, вот дорожка эта... Тут же дальше лес! Видишь, глубиной километров десять. И ни одной деревни.

Антон скользнул взглядом, сжал губы.

– Наврала, похоже. Или не поняла. Ты ж видел – они ка-

кие-то словно не в себе... Знаешь, Вова, давай-ка двигать отсюда. Темнеет вон... Отложим твою версию... Пока.

На обратном пути Линько задумчиво спросил:

– И много у вас такой работенки – за бабами шпионить?

– Немного, – отозвался Антон, – но клиенты солидные.

На них держимся.

– То есть не на них, а на их б..., – заухмылялся Линько.

Антон покривился.

В это же время неподалеку по другой проселочной дороге продолжали брести две женщины в темном. После встречи с сыщиками они не проронили ни слова, хотя старшая поняла, что совет младшей был лукавым. Их догнал запыленный, дребезжащий рейсовый автобус и, хотя они не подавали никаких знаков, затормозил. В салоне, пахнущем пылью и бензином, смуглая и высокая положила темную руку на плечо своей спутнице, и та вдруг благодарно затрясла головой.

– Поживешь еще, – произнесла смуглая едва слышным, свистящим шепотом.

Они вышли в Истре на пристанционной площади и, не сказав, друг другу ни слова, разошлись в разные стороны. Смуглая паломница двинулась к станции, но, секунду помедлив, направилась не к лестнице, а через кусты, через рельсы, – к торцу платформы. Это выглядело нелепо. Платформа возвышалась метра на полтора над землей. Из кирпичной кладки торчали три металлических скобы, оставленные, вероятно, для сугубо технических целей. В двух шагах двое

рослых загорелых подростков допивали пиво и собирались мочиться. Для того сюда и слезли. Появление пожилой женщины вызвало насмешливое удивление.

– Заблудилась, бабуля, – сказал парень с наколкой в виде змеи на левом плече, – лестница с другой стороны.

Женщина бросила на них скользкий взгляд, взялась за верхнюю скобу и с кряхтением перевалила на платформу заплечный мешок. Потом поставила ногу на нижнюю скобу и взглянула через плечо.

– Слышь, парень, подсоби-ка...

Ее низкий голос и непререкаемая интонация, казалось, произвели впечатление. Один из парней передал другому бутылку и подошел. Женщина выглядела достаточно тучной и грузной.

– Как я тебя подсажу-то? Ты чё?

Она уже встала на скобу и немного подтянулась, ухватившись за край платформы. Выдохнула:

– Толкани-ка... Не бось...

Парень с ухмылкой поддержал ее за крупный зад, а потом с некоторым усилием надавил. Женщина подтянулась и встала на край платформы на колени, потом на четвереньки. Тяжело выпрямилась, подхватила мешок и, не обернувшись, двинулась по платформе. Парни расхохотались. Потом приступили к намеченному. Застегивая штаны, тот, что толкал, заметил:

– Жопастая, однако, бабка-то. Как это, знаешь, как подуш-

ка...

Они снова рассмеялись.

Десятью минутами позже у пивного киоска парень со змеёй на плече вышел из очереди, сказал приятелю:

– Посижу тут пока...

– Ты чего?

– С башкой чего-то... И ноги ватные...

Он присел за киоском прямо на землю, опустив голову между колен. Второй участливо склонился:

– Я ж говорил... Ты утром у Митяя ширялся?

– Да нет...

– Правда, что ль?

– Да говорю – нет... Не знаю. Подожди... Вроде отпускает.

Со стороны Волоколамска с дробным жестким стуком прибыла электричка.

Предшествующий муж

4

В этот августовский сырой вечер просто необходимо было выпить – в тепле и уюте. Ближе к концу ординарного рабочего дня Корней решил, что может себе позволить. Встреч с клиентами и разборов на неродном языке наутро не намечалось.

В принципе он предпочитал пить дома. Ему была приятна компания Инги – вкрадчивой, немногословной, внимательно слушающей. Дома можно было подогреть бокал красного в микроволновой печи: иногда он предпочитал подогретое – особенно в ненастные промозглые вечера, которых, кстати, в году набиралось больше половины. Хорошо было еще с чуть теплым бокалом выйти на балкон: ощутить сырое дыхание близкого леса, злобноватую силу ветра, летящего с запада. Медленно, небольшими глотками перелить в себя красное вино, выработанное где-то на юго-западе Франции, вобравшее в себя тепло травянистого холма на берегу Роны. Предположим, Роны.

Едва миновав раздвигающиеся стеклянные двери, он замедлил шаг и послал с мобильного телефона сигнал домой.

Дома трубку никто не взял – он ждал довольно долго. По-

звонил на мобильный Инге. Она отозвалась, правда, не сразу, и слышно ее было неважно.

– Ты знаешь, я сегодня задержусь, – сказала она голосом грустным и озабоченным, – у нас тут очень сложный случай. Была тяжелая операция. Я в реанимации сейчас. Заведующий тоже тут...

– Ну хоть к десяти будешь?

– Не знаю... Я позвоню.

После раздумья она добавила:

– Майя сегодня у мамы ночует. Я ей разрешила. У нее в Ясенева дискотека... Пусть туда едет, туда ближе. Ты голоден?

– Да нет, я к тому же в кафе собирался зайти... Ладно, до связи.

Корней спрятал телефон в карман и, подавив наплыв острой тоски, замедлил шаг. В общем и целом ему было ясно. Третий случай со дня его вступления в сношения с сыскным агентством... Он негромко сказал вслух:

– Планы меняются.

Хмурое многоэтажное здание, посещаемое им ежедневно, было равноудалено от двух станций метро – «Краснопресненская» и «Улица 1905 года». Точки образовывали треугольник, внутри которого карабкались в гору старые пресненские переулки. С тех пор, как он стал добираться на работу на метро, он изучил причуды местного рельефа.

Это был его выбор. Измаявшись в ежеутренних удушли-

вых заторах, он стал дважды-трижды в неделю оставлять свой синий неновый «ниссан» на стоянке.

Маршрут был исхожен.

Когда он уже внедрился в переулки, с неба ударил упругий, пахнувший огуречным рассолом дождь. Резко посвежело. Корней, морщась, раскрыл зонт. Пройдя сквозь дворы, свернул в узкий Большой Предтеченский, пересек его, прошлепал по лужам еще с десятков шагов, спустился по кирпичным ступенькам. В заведении было пустовато. А зимой, помнится, тут клубилось общество.

Он заказал красного вина – для начала двести граммов. Потом, подумав, попросил сразу еще столько же плюс тарелку оливок. В этой части зала висел полумрак, чуть разбавленный светильниками по стенам. Тем не менее он сразу усмотрел пару знакомых физиономий в углу. Его тоже признали. Велес нынче вечером был не прочь послушать всякий вздор. Потому встал и, прихватив первый бокал красного, метнув взгляд в сторону официанта, двинул в угол.

В углу попивали винцо Байкер и Зануда – в сущности, очень разные люди. Первый – Вадим Петелин – был, можно сказать, коллега. Он работал с Корнеем в одной компании – обслуживал компьютеры и пользовался репутацией разбитного, романтического и слегка безалаберного парня. На работу и с работы гонял на любимом мотоцикле «Хонда», презирая автомобильное стадо. (Впрочем, зимой, как бы при-смирив, спускался в метро.) Событльник Петелина был пол-

ная его противоположность: тощий Глеб из адвокатского бюро, сидящего этажом ниже, слыл человеком педантичным, веским, хотя и нудноватым. Может, они сошлись на почве неприязни к автомобилям – Глеб тоже предпочитал метро. Хотя на мотоцикле, конечно, не носился. За рулем у него сидела жена.

– И как оно вообще? – поинтересовался Корней, опускаясь со своим бокалом на третий стул.

– Вот, ответь с лету: ты у нас, случаем, не пользовался услугами тайных притонов? – начал светскую беседу Петелин.

– Тайных? – удивился Корней. – А зачем тайных? По-моему, у нас никто из этого давно тайны уже не делает... А какое там меню?

– О, меню! Весьма изысканное. Такие эксперименты...

– А чего это ты вдруг про них? По-моему, это как раз по части байкеров. Ты у нас байкер?

– Я – байкер, – согласился Петелин, – иногда. Глеб, дай-ка газетку...

Он утащил лежавшую перед строгим Глебом сложенную вдвое газету, свежий номер «МК», и сунул Корнею.

– Вот, читайте, господин Велес. Видите, бдительные люди обращают наше внимание... В Серпухове накрыли притон. Вот, видишь? Несовершеннолетние на любой вкус... Мальчишки, девочки, от четырнадцати до шестнадцати. Три девки там прям и жили... Одна из них, я так понял, их и заложил-

ла... А солидных клиентов – целый список. Вот, видишь, ритуалы у них были, коллективные совокупления...

Корней рассеянно обежал глазами текст, потеревил газетную страницу.

– Оргии, значит... Вот удивил-то. Да и хрен с ними...

– Когда у тебя сына втянут в какую-нибудь такую... контору, тогда я на тебя посмотрю, – строго сказал зануда Глеб, – тогда... Им, конечно, дадут по совокупности. Содержание притона – это раз...

– Во, две подруги пришли, – Байкер перебил и сосредоточился на женских фигурах возле стойки, – они вроде вчера приходили. Повадились, кисы! Точно – они!

– У меня не сын, у меня дочь, – заметил Корней.

Зануда изобразил лицом припоминание. Потом вдруг дернул Байкера за рукав.

– Вадик! Что ж мы забыли ему сказать-то? Корней, слушай, тебя тут час назад какой-то мужик искал. Спрашивал.

Корней взглянул удивленно.

– Точно, – подтвердил Байкер, – шакалил тут один. К нам подходил, тарачился. Один раз, другой, третий. Ну, я в конце говорю: «Кого, в натуре, ищем?» Он посмотрел как-то пришибленно и говорит: «Вы тут господина Велеса не встречали? Мне говорили, что он бывает здесь...» Встречали, отвечаю, и не раз. Но сегодня вам гарантировать его не можем. Этот стоит все и смотрит. Я ему: звоните на работу, если вам так нужно. А он: спасибо, телефон у меня есть. И отвалил...

Вот, за полчаса до того, как ты причалил. Сейчас я его что-то не усматриваю.

Байкер показал головой, что смотрит по сторонам. Две кисты у стойки, похоже, встретились с ним взглядами. Корней вспомнил о человеке из частного сыскного агентства.

– Невысокий, плотный такой? – уточнил он. – В костюме?

Байкер вернулся к нему взглядом.

– Скорее здоровый. И мутный какой-то... Типа алконавт... На киллера, честно говоря, тянул не очень. Не ведут они себя так. Хотя они, наверное, разные бывают, киллеры...

Байкер улыбнулся. Корней поднял брови.

– Меня убивать не за что. Я, как ты знаешь, человек весьма мягкий и отзывчивый.

Байкер Петелин сказал уже без улыбки:

– Всех нас, господин Велес, найдется за что. Оно зависит не от поступка, а от способности обижаться. Люди есть такие, очень обидчивые... Хотя, правда, на киллера он как-то... не очень...

Корней мысленно щелкнул себя в лоб. При чем тут сыскарь? Он всегда звонил на мобильный. Был совершенно предупредителен и аккуратен. Тут и речи быть не могло.

– Чушь какая-то, – заметил он вслух, – искать меня в кабаке?! Кому такое в голову придет? Я тут бываю-то раз в неделю.

– Вот она, репутация-то! – заухмылялся Байкер и сделал некий знак рукой двум кисам.

– Такое возможно лишь в двух случаях, – рассудительно сказал Зануда Глеб, – либо человек отследил, куда ты иногда направляешься из офиса, либо его навел кто-нибудь из наших. Тут ведь многие бывают. И телефон офиса твоего у него вроде есть... Так ведь?

– Ладно, разберемся, – пробормотал Корней и подцепил вилкой оливку.

Еще какое-то время обсуждали женский теннис. Основная герлфренд Байкера пару лет занималась им профессионально. Теперь она тащила его на Кубок Кремля.

Потом еще вяло поговорили – опять же применительно к Байкеру – о наилучшем для мужика времени для вступления в брак.

Час спустя, выбравшись под сырое, мрачное небо, Корней сразу же повернул влево и зашагал в глубину переулка, слабо высвеченную фонарями. Переулок упирался в Т-образный перекресток и в церковь Иоанна Предтечи, тускло белевшую впереди в дождевой мгле. Он успел сделать шагов десять. Сбоку, из проема между домами, выступила темная фигура под зонтом.

– Господин Велес?

Корней пережил мгновенную, почти болезненную оторопь. Конечно, измышления Вадима Петелина о киллерах не стоило воспринимать всерьез, но жизнь, как известно, дарит нам совершенно непостижимые сюрпризы. Некоторые из них прекрасно служат ее заключительным актом. Корней взглянул в пол-оборота и ответил очень отчетливо, но уклончиво:

– Вам нужен Корней Евгеньевич Велес?

Человек под зонтом, кажется, сам почувствовал, что внес своим появлением некую дисгармонию. И потому, сделав пару шагов к Корнею, остановился и произнес отрывисто:

– Я вас узнал. Вы уж извините. У меня к вам короткий разговор. Но очень важный. Минут пятнадцать займет.

Вежливость этих слов была холодной. Тяжелый, надтреснутый голос впечатления не улучшал, но вполне соответствовал крупной фигуре. Человек был, возможно, той же комплекции, что и Велес, но выше его по крайней мере на полголовы. Фигура его казалась, впрочем, рыхлой и как бы разбухшей от влаги. Дождь между тем все сильнее щелкал по глянцу асфальта. В мелкой ближней луже тонкие скрюченные окурки от дамских сигарет корчились, как белые черви.

Корней почти инстинктивно качнул головой в сторону

мерцающих оранжевых огней над входом в заведение – там было все же светло и надежно.

– Может, вернемся, присядем?

Незнакомый мужчина протестующе выставил открытую ладонь.

– Мне не хотелось бы там еще раз показываться. Да и, наверное, лучше как-то так – с глазу на глаз. Вы – к метро? Ну, давайте я дойду с вами... По дороге поговорим. Не возражаете?

Корней пожал плечами, вглядываясь в широкое мясистое лицо мужчины. С провисших краев его зонта сбегали капли. Мужчина провел по мокрой щеке тыльной стороной ладони и произнес:

– Меня зовут Арсен Уразов. Я – первый муж Инги. Мы с вами не виделись никогда.

Теперь, когда он оказался ближе, Корней учуял несильный запах алкоголя и чего-то еще – тягостного, несвежего. Он вспомнил замечание Байкера о незнакомце и сухо сказал:

– Ну, пойдете.

Приметив, что мужчина, назвавшийся Арсеном Уразовым, держит зонт в левой руке, сохраняя свободной правую, Корней аккуратно сместился и двинулся по внутренней стороне тротуара – слева от собеседника. Тот после недолгого молчания произнес:

– Я, в общем-то, хотел вас просить об одной вещи... Точней, так: когда я уезжал, ну, когда съезжал с квартиры, забыл

забрать одну вещь. Теперь вот вспомнил... Прошло, конечно, немало времени, четыре года, но все же...

Он сделал короткую паузу и, покосившись, спросил – тоном, подразумевавшим единственный вариант ответа:

– Вы ведь по-прежнему живете в ее квартире, да? В Измайлове?

Корней хмуро кивнул. Данный факт ему, конечно, не льстил.

Помнится, поначалу двухкомнатное жилище в Южном Измайлове выглядело на редкость удобным. Оно давало ощущение воздуха и простора. Отчасти ощущение было связано с немалой площадью – немалой для московского двухкомнатного жилья, но в большей степени с видом, открывающимся из трех окон на пятнадцатом этаже. Дом был выстроен у кромки большого московского парка, и, стоя на балконе, Корней мог легко представить, будто живет в крохотном поселке на самом краю плато, уходящего крутым известняковым склоном в зыбкую зелень. Буйно-зеленая пена лесопарка простиралась едва ли не до горизонта, на котором громоздились коробчатые силуэты больших кварталов у Щелковского шоссе. К своему дому и к этому виду из окна Инга была привязана. Она могла провести час, стоя с чашкой кофе на балконе и глядя заворуженно на лес и на небо. Прямо на нее, как с экрана исполинского кинотеатра, ветер гнал над зеленой чащей зыбкие сероватые груды. Корней иногда любовался профилем Инги на этом буквально сказочном фоне.

Но, несмотря на удобную планировку, большой холл и вид из окна, жилище по мере взросления Майи казалось все более тесным.

– Да, – произнес Корней вслух, – мы по-прежнему живем в Измайлове. А что за вещь?

Арсен Уразов глухо закашлялся и снова вытер щеку и губы тыльной стороной кисти.

– Пять лет назад мы ездили в Турцию вместе с моими родителями. Впятером. Я сделал тогда по итогам поездки два фотоальбома. Два одинаковых. Один для нас, ну, для Инги, а второй – матери. Но так ей и не подарил... У нас там начались проблемы, я и забыл про этот альбом... Где-то он там завалился...

Он замолчал, и пару минут мужа Инги Уразовой – первый и второй – шли молча, обходя лужи и соприкасаясь иногда зонтами.

– Ну и?.. – спросил, наконец, второй муж.

Первый снова откашлялся. Он все более производил на Корнея впечатление человека, отягощенного многими недугами.

– Мать умерла год назад, – сказал он глухо, – там, в альбоме этом, на половине фотографий она и отец, ну и дочь, конечно... В общем, я бы хотел альбомчик этот вернуть... Если он цел... Но я думаю, цел, а у Инги точно такой же есть. Вот. Просьба небольшая и, по-моему, вполне... понятная.

Корней пожал плечами. Ситуация все же выглядела стран-

но, если не сказать – нелепо.

– А к Инге-то вы обращались с этой просьбой? – задал он самый естественный вопрос, хотя тут же отметил про себя, что такой контакт его бы, очевидно, не обрадовал.

– К ней бесполезно, – сразу ответил Арсен, – ну, по хрену ей эти мелочи. Сантименты. Она точно скажет, что и не помнит его. И искать не будет...

Корней задумался. Он, надо сказать, ожидал каких-то скользких вопросов, связанных с Майей. Шел и размышлял. Велес должен был признаться себе в том, что за эти четыре года не имел серьезных поводов вспоминать о первом браке Инги. Разговоры на эту тему не велись: Инга, по-видимому, без особых мук и колебаний исключила из повседневной жизни упоминания о первом муже. В самом начале, года три назад, она, впрочем, сообщила (как-то между делом) о том, что он не изъявлял и не изъявляет желания видеться с дочерью. Корнея это, безусловно, обрадовало. В детали он лезть не стал. Он ни разу не слышал, чтобы об этом человеке говорила Майя, и не видел его фотографий. Фотографическая летопись прежней Ингиной жизни имела место, хранились три пухлых альбомчика, но она обрывалась на той странице, где круглолицая юная Инга с короткой стрижкой получала диплом в медучилище.

Суть семейного конфликта, обернувшегося разводом, он себе представлял смутно. Довольствовался несколькими четкими и жесткими формулировками Инги, представлен-

ными ему в самом начале их встреч.

– А где... где этот альбом может храниться? – спросил Корней после паузы.

Они дошли до перекрестка, увенчанного церковью. Дождь вкрадчиво шуршал по поверхности зонтов. Вдоль тротуаров струились грязноватые ручьи. Арсен Уразов остановился, будто ждал этого вопроса, и, придерживая зонт второй рукой, заговорил чуть громче и чуть отчетливее:

– Я думаю, есть только одно место, где она может хранить вот такие... ну, старые документы. Конечно, в стенке, где все альбомы, этот искать бесполезно... что вы так смотрите? Ну, я ж помню. Есть такое место, в прихожей. Там, знаете, над входной дверью антресоль, но это не та, а вот напротив нее, прямо напротив – еще антресоль, она как бы над дверью, которая ведет в холл. Если заглянуть вглубь, у самой стены, вот прям у самой...

– Заглядывал я туда, – перебил Корней, – там хлам всякий. Пара старых дорожных сумок, старая настольная лампа...

– Там не только хлам, – живо возразил Уразов, – надо заглянуть в одну из сумок. Не помню точно, кажется, в самую здоровую. Ну, такая, типа спортивной... Там, раньше по крайней мере, она хранила всякие старые бумаги: письма ее родителей, когда они еще вместе были, газеты старые. Мои письма старые она вроде тоже там хранила.

Последнюю фразу он произнес, отделив ее зыбкой паузой.

Корней спохватился.

– Ладно, идем, что мы тут застряли?

Когда они спустились по улице Заморонова к скверу перед станцией метро «Краснопресненская», Велес, покосившись, резюмировал:

– Посмотреть я, конечно, могу, почему нет... Найду, так отдам. А нет, так нет.

Он уже быстро шагал по направлению к зданию станции. Грузный Уразов поспевал, но дышал тяжело.

– Если откопаешь, – сказал он отрывисто, – то... это... поймешь. Там родители мои... Пять лет назад... У меня таких и не осталось... Ну, считай, я – sentimentalный.

– Да понял я.

Они миновали небольшой застекленный павильон – простецкую забегаловку с бегущим по краю крыши оранжево-огненным пунктиром. Уразов неожиданно придержал Корнея за рукав.

– Слышь, Велес, – проговорил он, все так же громко дыша, – давай, что ли, на минуту заглянем. По стопарику. За знакомство.

Это было определено лишним – Корней чуть не выругался.

– Я спешу, – сказал он сухо. – Все. Счастливо.

Уразов отпустил его рукав, промолвил негромко:

– Ну, знакомство – хрен с ним, давай хоть за Майю, за здоровье ее.

Корней сжал губы, потом, нахмурившись и не говоря ни слова, с щелчком сложил зонт, вошел в павильончик, прошествовал к стойке.

– Что будешь? – спросил через плечо. – Водку, коньяк?

– Коньячок лучше, – проговорил Уразов, подходя.

– Три по пятьдесят, – заказал Корней. – «Метакса» есть? Ну, давайте.

Он бросил скользящий взгляд, потом еще один и, в общем, понял, почему сентиментальный первый муж Инги не пожелал вести беседу в более или менее приличном заведении на Большом Предтеченском. Его крупное тело было упаковано в очень старую черную кожаную куртку, уместную разве что в сумерки и в дождь. «Молния» была затянута до упора, под горло, в просвет выглядывало вялое кашне. При этом Уразов, безусловно, был мужчиной видным: крупные черты отечного лица все еще оставались выразительными, в спутанных черных волосах было не так уж много седины. Что-то все жестряслось, размышлял Корней, поглядывая в сторону предшественника и пытаясь вызвать в себе некую степень сочувствия.

– Майя сейчас, кстати, как? – подал голос предшественник. – Ничем не болеет? Нет? Ну, тьфу-тьфу-тьфу. Давай за то, чтоб росла здоровой... давай.

По тому, как он тяпнул первую рюмку, а потом почти сразу же – вторую, Корней кое-что опять же понял. Он понял, что пора домой. Арсен Уразов, однако, легко захмелел и

стал вспоминать их последнюю поездку в Турцию. Это было невыносимо. Корней хмуро смотрел в пол либо собеседнику в грудь, но уже знал, как поступить. Уразов сделал внезапную паузу.

– Слышь, Велес, – сказал он уже другим тоном, – вот ты крутой. Скажи, а ты чего-нибудь боишься... в этой жизни?

– Болезней, – ответил Корней безразлично и поманил бармена: – Еще сто граммов... Вот ему. Ладно, пошел я.

– Спасибо... Сочтемся. Не, правда... О чем это я? А... Болезни – это понятно. А вот чего-то такого... Слушай, если ты крутой, почему на метро ездишь?

– Бывай, – сказал Корней, – выпей еще... за здоровье, за общее.

– Подожди. Я все как-то не спрашивал. Как там Инга-то?

– Нормально.

Уразов тяжело покивал, поворачивая в пальцах пустой стаканчик и будто не замечая, что бармен держит наготове бутылку «Метаксы». Потом поднял голову.

– Такая же свежая? Ну-ну... Все так же луне молится? И голой по дому ходит?

– Бывай, – повторил Корней и, резко повернувшись, вышел.

Встреча, особенно последние пятнадцать минут, оставила странный и скорее неприятный осадок. Вспоминая в вагоне отдельные мелочи, Корней морщился. Когда они шли к метро, его еще занимал едкий вопрос, а не нужно ли счи-

тать странноватую просьбу первого мужа замысловатым отвлекающим маневром?

Теперь этот вопрос почему-то уже не вызывал интереса.

Дома он был в начале двенадцатого. Заварил чай, включил телящик и некоторое время слонялся по пустой квартире, раздумывая, не позвонить ли детективу – с учетом насыщенности дня событиями. Но отложил. Инге на мобильный он звонить тоже не решился. Она пришла около полуночи – бледная и усталая, но ласковая. Поцеловав его сзади в шею, сообщила:

– Когда уезжала, вроде жива была. И давление стабильное.

Имелась в виду больная из реанимации, ставшая причиной вечерних забот.

– Слава богу, – отозвался Корней, не отрывая глаз от экрана телевизора.

Назавтра сыскное агентство снова числилось у него на повестке дня. Собирался заехать или хотя бы позвонить. Но не заехал и не позвонил. День выдался хлопотливым: Корней заканчивал меморандум одному крайне въедливому клиенту из кондитерской фирмы.

Детектив Антон Сергеич обнаружился сам. Он возник в сотовом телефоне Корнея ближе к вечеру и предложил встретиться. Объяснил, что подъедет сам, остановится в двух кварталах от дома Корнея на Большом Купавенском и перезвонит из машины. В конце уточнил: «Вам так удобно?» Корней уверил, что вполне и что будет ждать звонка.

Инга заявила домой раньше обычного, то есть в нормальное время – в пять. Сразу затеяла давно планировавшуюся стирку и к приходу мужа загрузила в машину третью или четвертую порцию.

Когда он заглянул на кухню, безмятежная Инга, сидя на табурете у стены, посасывала зубочистку и ждала окончания стирального процесса. Сама она была без халата и имела на смугловатом теле два предмета туалета из белого шелка – бюстгальтер и узкие трусы. Эстетически это смотрелось безупречно, и с учетом исполняемой функции – даже как-то естественно. Лицо казалось умиро творенным. Корней несколько секунд пристально всматривался.

Майя, как ни удивительно, все еще возилась с уроками – то ли с физикой, то ли с химией. И тем и другим необразцовая десятиклассница занималась без явного энтузиазма. В фаворитах числилась география с биологией, но и их положение не было прочным. Майя казалась чрезмерно нервной и болезненно ранимой девочкой. Обида на конкретную одноклассницу – мелкую гадкую стервочку (Корней пару раз видел) – всякий раз грозила разрастись до масштаба обиды на весь белый свет. Велес убеждал, что так нельзя. Белый свет, может быть, и не заслуживал бы доброго слова, если бы ему имелась внятная симпатичная альтернатива. Стервы же, по его наблюдениям, составляли если не большинство, то по крайней мере стабильно широкий слой, с коим Майе надлежало в любом случае поддерживать пожизненный вооруженный нейтралитет.

Само собой, его аргументы не были востребованы, хотя и хмуро выслушивались. Как всякий обычный пятнадцатилетний подросток – тут падчерица никак не выделялась, – Майя не была убеждена в пригодности родительских наставлений в ее трудной повседневной жизни. Как тягловая рабочая сила, Корней изредка рекрутировался для исполнения некоторых деликатных миссий, как то: проверка пересказа английского текста, проверка того же самого, но в письменном виде, а равно утренняя доставка Майи в школу за три квартала на борту темно-синего «ниссана».

Инга из кухни громко спросила:

– Майя, ты почему не доела торт?

– Я мучное пока не буду. Оно мне вредно.

– Ты что, с ума сошла? – Инга встала со своего табурета.

Теперь в дверях кухни появилась и Майя. Она была хрупкой худенькой черноволосой девочкой, понятие «девушка» как-то к ней пока не лепилось. И трудно было пока представить, что когда-нибудь ей удастся достичь плотности и округлости мамы Инги.

– Мама права, – высказался Корней, – рано о диетах думать.

– Давай, доедай. – Инга повернулась к раковине. – Корней, ты тоже садись.

– Мы, кстати, сегодня знаешь с кем обедали? – начал Корней, но тут в кармане у него ожил мобильный телефон. Его будто ударило током.

Он поговорил очень коротко и быстро стал одеваться.

– Ты куда? – вяло поинтересовалась Инга.

– Клиент сейчас подъедет, – объяснил Корней, – в офис сегодня ко мне не успел. Мы с ним быстро...

Машина Антона Сергеича стояла не в трех, а в четырех кварталах от дома, на противоположной стороне улицы. Корней уселся на переднее сиденье. После рукопожатия Антон без предисловий протянул ему пачку фотографий. Заметив, как у клиента изменилось лицо, быстро пояснил:

– Тут ничего интимного. Отбытие – прибытие. Чтобы вы могли представлять...

Корней слушал напряженно, но в общем был спокоен. Он настроился. Антон говорил тихо и отрывисто.

– Итак, мы проследили три случая. Три раза она называла вам поводы для отсутствия, которые не соответствовали действительности. Вот, по датам... Ну, вы помните. Во всех этих случаях она уезжала с работы около четырех. И отбывала всегда по одному и тому же адресу. Причем отбывала не одна...

Он сделал короткую паузу.

– Около половины пятого она встречалась с вашей дочерью... и дальше ехала с ней. Все три раза они вместе были в одном и том же доме на окраине города Истра... Ну, километров пятьдесят от Москвы, знаете... Там они оставались довольно долго. Нам было трудно установить точное время... Наблюдение велось издалека. К тому же у машин, почти у всех, которые оттуда выезжали, были тонированные стекла. Но, так или иначе, дочь она доставляла к матери, к вашей теще, примерно к половине двенадцатого... Домой же, как вы сами помните, возвращалась примерно к полуночи. Дальше. В двух случаях они добирались до Истры на такси или частных машинах. От Тушина. Мы отследили. Как ваша жена договаривалась – вот, видите. А вот, в стороне, стоит дочь.

– Кто хозяин дома? – глухо спросил Корней.

– Это пробить было как раз нетрудно. Но это нам, увы, пока мало что объяснило. Собственником дома, вот по этому

адресу, числится Дубровская Анастасия Егоровна. Домохозяйка. Не замужем. Все... Ну, это довольно частое явление – конечно, у этой Дубровской есть покровитель или... или фактический муж, который не хочет оформлять собственность на себя. Ну, по тем или иным причинам... Но мы выясним, кто он. Выясним. Если, конечно, хотите... Но это немного другая работа, отдельная.

– Понимаю, – сказал Корней, глядя сквозь ветровое стекло на дорогу.

Они помолчали. Потом Антон, взглядывая искоса и осторожно, произнес:

– Можно, конечно, в самом общем приближении рассмотреть некоторые версии. Мотивы этих отъездов... Начиная с самих безобидных. Например. Не может ли ваша супруга ездить с дочкой... к врачу, к какому-то редкому специалисту? Знаете, некоторые специалисты принимают за городом, ну, в общем, дома... По-разному бывает... Майя в последние месяцы ничем не болела?

– Она болезненная девочка, – сказал Корней медленно, – но как бы то ни было, неясно, зачем – если это, конечно, болезнь... скрывать ее от меня... Это непонятно...

Он сжал губы.

– А... а чем болела Майя?

– У нее был острый пиелонефрит, – Корней устало потер подбородок, – три года назад... Мы намучились. Он, конечно, мог перейти в хронический. Но вот уже три года вспы-

шек не было, почки вроде нормально работают... Я вот что хотел еще уточнить...

Он свел брови, пытаясь сосредоточиться.

– Машины, которые выезжали из этого дома, в этот временной промежуток... Вы не узнавали, кому они принадлежат?

– Пока нет. Узнаем. Номера, марки – все это есть... Одна машина отмечена у нас во всех трех случаях – «лексус» темно-синего цвета. Вот ее прежде всего...

Детектив снова сделал паузу, взглянул пытливо, быстро листнул блокнот.

– По ее первому мужу, в общем, ничего особенного... Наш сотрудник отфильтровал его во всех трех случаях ее отъездов. Похоже, он не имеет к ним отношения. Был или у себя на работе – у него небольшой магазин мебельный... еле сводит концы с концами, как видно... или в кафе неподалеку... У этого Арсена Уразова проблемы с алкоголем. Вот примерно все.

Антон Сергеич закрыл блокнот.

– Этот Арсен со мной недавно встретился, – проговорил Корней, – был такой занятный разговор... Наверное, он тут и вправду ни при чем... В общем, я еще разберусь. Ну, бог с ним... Значит, все?

– Не совсем. – Детектив, повернувшись, взял с заднего сиденья прозрачную папку, вытащил из нее пару листов с текстом, отпечатанным неровным столбцом.

– Мы это не отразили в договоре, – сказал он вкрадчиво, – но клиент, кажется, выразил желание послушать некоторые телефонные разговоры...

– Клиент выразил, – хмуро подтвердил Корней.

– Поскольку такая практика противоречит закону... а клиент должен об этом знать и поскольку это связано с рядом трудностей технического характера...

– Все будет учтено, – перебил клиент, – мы же обсуждали это.

Антон извлек из кармана куртки диктофон и заговорил деловито:

– Обслужить удалось только стационарный аппарат, установленный в квартире Ираиды Авенировны Асадовой – вашей тещи. Подавляющее большинство диалогов носят сугубо хозяйственно-бытовой характер... Кстати, вы обращали внимание, что ваша жена называет свою мать по имени – Ира? Вас это не удивляет?

– Обращал, – сказал Корней, – удивляло. Она объяснила это тем, что так привыкла с детства. Мать родила ее очень молодой и хотела видеть в ней подружку... У меня молодая теща...

– Да, сорок девять лет, – подтвердил знание предмета детектив, – так вот... Интерес, на мой взгляд, представляет один-единственный разговор, который состоялся не далее как вчера. Вы знаете, он вроде бы не имеет прямого отношения к задаче поиска, но... он показался мне значимым... Я

вам дам сейчас прослушать, он короткий, а вот расшифровка, можете сверять... Но сначала хотел вам задать один вопрос. Можно?

– Ну...

– У вас нет никаких семейных планов на ноябрь? Вот таких четких представлений о том, что вы собираетесь сделать в ноябре?

Корней покривил ртом, поскреб подбородок. Потом сосредоточился.

– Ну, предположим. Предположим, план был. Но именно был. В первых числах ноября мы собирались втроем в Египет. Или на Кипр... Ну да, хотел купить тур. Но вот недавно Инга попросила перенести... Там у нее на работе что-то не выходит...

– Ага, – быстро сказал детектив, – ну ладно... Разговор коротенький. Занял всего тридцать две секунды. Звонок был в 22.15. Звонивший говорил очень тихо. Голос пожилого человека, довольно низкий, не всегда разборчивый, так что следите по тексту...

Он нажал клавишу. Сквозь шипение Корней услышал голос тещи – первую реплику:

«...Слушаю».

После паузы прозвучал незнакомый низкий голос, прозвучал довольно тихо:

«Ира?»

«Да. Здравствуй».

Корней готов был поклясться, что голос тещи дрогнул. Впрочем, Ираида Авенировна вообще была дамой нервной и впечатлительной. Возможно, именно ее характер передался внучке.

«Слышишь меня?»

«Слышу, да, да, конечно».

«Инга у тебя?.. Позови».

Голос жены тоже прозвучал напряженно, но в нем не было того трепета, который чувствовался в голосе тещи.

«Здравствуй. Я слушаю тебя».

Последовала секундная пауза. Потом тихий голос произнес три скрипящих слова с вопросительной интонацией.

«Как у нее?»

«Все так же», – отрывисто и резко сказала Инга.

«А он? Ну, этот?»

«Не знаю... Стараюсь не дергаться. Не думать. Я зарок дала».

«Жалеешь? Зря...»

«До начала ноября время есть. Будем считать, что столько отпущено». – Голос Инги прозвучал непривычно жестко.

На этом ее собеседник прервал связь. Крохотный диктофон издавал тихое шипение. Антон Сергеич нажал клавишу. Минуту они сидела молча, потом Антон кашлянул и осторожно поинтересовался:

– Кого, как вы полагаете, они имели в виду?

Корней пожал плечами. Покосившись на клиента, детек-

тив аккуратно резюмировал:

– Все прочие диалоги не содержат, на мой взгляд, никакой дополнительной информации, связанной с этими ее поездками в Истру. Распечатки я готов представить... М-да. Что касается последнего разговора... Знаете, объективно говоря... может ли ваша жена быть как-то заинтересована в нанесении вам вреда? Я такого интереса не вижу... Ну, не знаю. Никакого смысла найти не могу.

– А субъективно? – спросил Корней. – Ладно...

– Кстати, а вам хоть как-то знаком этот голос?

– Нет, – твердо ответил Корней, – похоже, какой-то пожилой человек. Мужчина или женщина?

– Я бы сказал, скорее мужчина. Можем отдать нашим экспертам... Вообще можем, если, конечно, хотите, копнуть поглубже.

Корней молчал и смотрел на дорогу. Через несколько минут ему предстояло снова увидеть Ингу, Майю, ужинать, потом вместе смотреть нечто по восьмому каналу, шутить, что-то отвечать, о чем-то спрашивать, укладываться спать...

Дачные хлопоты

7

От обычного ежесубботного выезда на дачу глава семейства уклоняться не стал, хотя поначалу намеревался манкировать. После разговора с детективом его мироощущение слегка изменилось.

Он вел машину излишне нервно. Инга наблюдала искоса, пару раз сказала:

– Давай потише, а?.. Не обгоняй его, не надо... Ой.

Корней взглянул на нее отстраненно и промолчал.

Дача была куплена и достроена в последние полтора года совместной семейной жизни. Место выбрали под Чеховом, километрах в пяти от города, на реке Лопасня. До сделки Корней с Ингой немало поколесили по югу области, приглядывая участок с домом близко от леса и быстрой речки. Устойчивый заработок главы семейства конвертировался в добротный, хотя и нешикарный двухэтажный дом из пеноблоков и бревенчатую пристройку баню. Больше всего возни было именно с этой баней, с внешней и внутренней ее отделкой, со строительством ее второго этажа, где была устроена гостевая комната, а еще – с водоотведением.

...День прокатился пустовато. Хозяин дачи не мог настро-

ить себя ни на одно из привычных занятий. Насыщенный ссылками на статьи и пункты текст для клиента, понятное дело, не рождался. И более того, клиента – представителя добротной немецкой компании г-на К. Йобса – хотелось посылать. Отвлеченное чтение, остановленное на 83-й странице неделю назад, тоже не шло. Детективный жанр временно вызывал ненависть. Сбором малины и черной смородины он заниматься отказался.

Все выглядело хмуро, во всем ощущался подвох.

Около четырех поучаствовал в экспедиции до продуктового киоска у околицы, составил компанию Инге и Майе. И сразу же оказался свидетелем неприятной сцены. У моста через речку, на обочине дороги, навстречу им из зарослей пижмы вышла большая желтая собака и, неожиданно ошестинившись, страшно и низко зарычала на Майю. Корней слегка растерялся, его бы воля – он перестрелял бы большую часть бродячих псов в поселке (котов бы не тронул), но в данный момент ничего стреляющего в руках не было.

– Стой спокойно, – скомандовал он испуганной Майе.

Но в это время Инга бесстрашно сделала шаг из-за спины дочери и каким-то не своим, резким металлическим голосом приказала собаке: «Пошла!» Псина дернулась и, щерясь, бросилась в сторону – прямо на середину дороги, где тут же угодила под жесткий удар проезжавшей машины. Глухой стук, скрип тормозов, вскрик Майи и дикий вой собаки прозвучали в шокирующе молниеносной последователь-

ности. Потом еще минуту они и ошарашенный седой водитель наблюдали за агонией хрипящей псины.

Все-таки дошли до киоска, накупили там всякой всячины, но настроение, конечно, было уже не то. Особенно у Корнея. От короткой предвечерней вылазки в лес по грибы он решительно отказался. Оставшись один, после некоторых колебаний и бесцельных блужданий по участку извлек из холодильника бутылку можжевеловой водки. Выпив стакан, вспомнил о просьбе Инги, затопил баню, вернулся за стол и накатил себе еще полстакана.

Инга с Майей вернулись к восьми – уставшие, исцарапанные и, кажется, повеселевшие. Высыпав на кухонный стол добычу – всего-то два десятка сизых сыроежек да глянцеви-тых маслят, отправились в баню. Инга, походя, мимоходом, охватив взглядом ополовиненную бутылку на столе, сказала с полувопросительной интонацией: «А завтра – за руль...» Вернее всего, она была озадачена не самим фактом питья, но тем, что действо совершалось в одиночестве. К тому же водку Корней пил редко, предпочитал вино.

После бани мать и дочь довольно долго занимались сопутствующими приятными процедурами. Майя, окружив себя лосьонами, изучала с помощью настольного зеркала распаренное лицо. Инга, стоя в прихожей совершенно обнаженной перед большим напольным зеркалом, сушила феном густую растительность под животом. Корней, давно изучивший послебанный ритуал, на сей раз неожиданно для себя

неуверенно заметил:

– Ну, ты как-то... Ушла бы в спальню, что ли. Перед Майей как-то... не очень...

Она легонько тряхнула распущенными черными волосами, рассеянно покосилась через плечо.

– Так мы ж мылись только что вместе... Ты чего?

Она стояла крепко расставив ноги, на спине между лопаток рдела царапина, выпуклые ягодицы хранили два симметричных следка от пупырчатого пуфа, покинутого Ингой пятью минутами раньше.

Подумав, добавила:

– Для дочери не должно быть секретом тело матери. Я так думаю. Лучше быть для нее... как бы старшей подругой. Чтобы она тебе доверяла. Ты не согласен?

– Да согласен, согласен... – Корней вышел на крыльцо, жалея, что сделал никчемное замечание. То смутное, что бродило в душе, не могло, да и не должно было найти словесного выражения. С крыльца работающая феном Инга была так же хорошо видна.

– Хорошо еще – по имени тебя не называет, – сказал Корней, – все же это, по-моему, перебор.

– Да, может быть, – отозвалась Инга, – у меня с матерью все немного по-другому было. Время было другое.

Она некоторое время вяло распространялась на темы воспитания. Корней в какой-то момент осознал, что в течение ее монолога он, почти не слушая, вглядывался пристально в

ее гладкую смугловатую спину и соотносил мысленно талию и ширину бедер, наблюдая, как маленькая округлая кисть сноровисто почесывает поясницу. Внимание скользило – от смыслов к формам. И это напоминало болезнь.

Неожиданно вспомнил их первую близость, первое потрясение его достаточно зрелой чувственности. Он тогда заявился к ней в отделение поздно вечером, в начале ее обычного ночного дежурства. Инга быстро нашла какую-то кургузую вазу для его трех роз, потом, сияя глазами, сказала: «Я – на минуту», – выскочила в палату в середине коридора, вернулась в ординаторскую и, плотно закрыв дверь, позволила себя обнять. Его тогда восхищало и волновало в ней многое: белизна халата с короткими, до локтей рукавами и кокетливыми голубыми вставками, сочетание этой тугой белизны с темно-вишневым цветом ее водолазки, нежность лица, нежность талии, которую он находил под расстегнутым халатом. Ее чуть раскосые зеленые глаза, когда он злоупотреблял поцелуями, расширялись, приобретали выражение шалое и веселое. Это была их третья встреча, он всякий раз заявлялся к ней на работу, но в первый раз она стала так пылко отвечать на его поцелуи. Мнимое ощущение их уединенности взволновало его необычайно. Он позволил себе чуть больше, чем следовало. Когда расстегивал пуговицы у нее на халате, желая добраться до тела, она, кажется, даже возражала. Потом произошла мгновенная перемена. Помрачнев, она быстро подошла к двери и двумя поворотами ключа за-

крыла ее. Вернувшись к нему и подставив губы для поцелуя, неожиданно положила руки ему на ягодицы и крепко сжала. Тело Корнея мгновенно отозвалось на это движение. Он дал несколько больше воли рукам, все еще колеблясь, но тут Инга вывернулась из его объятий и, обратившись к нему спиной, спокойно подняла юбку вместе с халатом и спустила колготы. Под ними, между прочим, не оказалось трусов. Она опустила локтями на стол, шелестяще сказала через плечо: «Не сдерживайся». Он не совсем понял эту фразу, вероятно, она подразумевала, что ему сейчас не следует показывать чудеса выносливости и что в данный момент и в данном месте они весьма уязвимы. Целуя те части ее тела, которые оказались обнажены, он испытывал совершенно непредсказуемое, умопомрачительное возбуждение.

Потом он размышлял над тем, что такие ощущения должны быть временны, преходящи и обусловлены новизной впечатления. Но он заблуждался. Спустя четыре года и сколько-то там месяцев ее тело, ее кожа и ее запах по-прежнему имели над его волей очевидную власть. Его воля находилась в подчинении, довольно, впрочем, сладком.

В итоге он допил бутылку можжевеловой. Но от этого легче не стало, просто потянуло в сон, и он отправился в постель неприлично рано. Инга с Майей на веранде еще долго смотрели телевизор.

Ночью проснулся от сердцебиения. Поворочавшись, встал, натянул на себя шорты и вышел в темный двор. У бани справил нужду в заросли крапивы, а затем зашел внутрь. Постояв в душистом тепле, пустил душ, подставил голову под бьющие струи. Произнес громким шепотом роковую фразу: – До начала ноября время есть.

На ум ему пришло банальное сравнение: явь нескольких последних дней напоминала сон. Хотелось проснуться так же, как он проснулся десятью минутами раньше. Проведя широкой влажной пятерней по лицу, встряхнул головой. Поднял глаза, рассчитывая встретить свое отражение в круглом зеркале, прилаженном на кирпичной стене. На секунду замер. Зеркало висело на месте, но почему-то было укрыто, завешено кружевным носовым платком – темно-сиреневым с разводами. Корней, помедлив, очень осторожно, пугая самого себя сильным дыханием, удалил платок. Матовый овал привычно открылся, засиял. В душевой царил полумрак, поэтому отразились прежде всего его воспаленные белки.

Корней снова помотал влажной головой и вышел из бани

в ночную прохладу. Он покосился на часы, отметив, что три часа назад наступил новый день – 22 августа.

Когда он на цыпочках вернулся в дом, Инга сидела на постели. Смотрела встревоженно.

– Плохо себя чувствуешь? С сердцем что-то?

– Все нормально. В туалет ходил.

Утром пришлось выпить пива. После чего Инга решительно заявила, что за руль сядет она. Корней был вял, лишь пожал плечами, хотя обычно в подобных ситуациях возражал решительно. И все, кстати, обошлось.

– По дороге забрось меня в офис, – попросил хмуро, – я не успел ни черта за выходные... Придется собраться.

– До ночи там будешь? – вздохнула Инга. – Ладно, нет проблем.

С учетом вечерних планов он предложил выехать пораньше – скажем, в три. Инга напомнила, что где-то в это время должна прикатить теща, замышлявшая в доме большую уборку. Она собиралась остаться на даче, и у нее не было ключей.

– Позвони ей, – хмуро попросил Корней, – ускорь...

Теща Ираида не заставила его злобно сверяться с часами – прибыла в начале четвертого. Он еще уделил ей некоторое время: водил по пустым комнатам теплого дома, будто насупившегося перед отъездом хозяина, – указывал углы с не разобранными еще со времен новоселья сумищами и пакетами, чреватые накоплением хлама. Корней не терпел из-

быточный домашний хлам. Теща покладисто и готовно кивала. Вообще ее явления были Корнею прежде приятны. Сама Ираида ему скорее импонировала – своей молоджавостью, легкостью, немногословностью и забавной боязливостью. В ней можно было найти не так уж много общего с дочерью. Пожалуй, лишь удлинённую форму глаз цвета спелого крыжовника. Теперь, правда, поскольку он сопрягал ее с некоей темной стороной в жизни жены, посматривал на нее отчужденно. И привычной ее робости и чуть заискивающей интонации искал иные – особые объяснения.

– ...Ну, не скучайте тут, – присоветовал Корней теще, садясь в машину.

Ираида, мгновением раньше обцеловав и отпустив Майю, помахала ладошкой:

– Счастливенько. Инга, будь осторожней.

Инга, трогая руль, послала воздушный поцелуй.

Они выехали довольно рано, до пробок, и до Подольска долетели даже быстрее, чем обычно. С автомобилем Инга разбиралась умело – это нужно было признать. За рулем чувствовала себя естественно и спокойно. От Подольска пошло гуще, но все равно шли неплохо. Уже у самой кольцевой границы столицы Инга пристроилась к хвосту, карабкающемуся на пандус. Им нужно было дальше по Кольцу, на восток. Хвост полз медленно. После каждого пяти-семиметрового рывка Инга вжимала в пол педаль тормоза, а потом дергала ручник: они шли в горку под приличным градусом. Впере-

ди то надвигалась, то рывками удалялась обтекаемая задняя часть темно-вишневого джипа. Его водитель, похоже, нервничал. Дважды басовито сигналил, подгоняя машину, плетущуюся перед ним.

Метров за двадцать до выезда на окружную джип поступил дурно: одолев очередные пять метров мощным рывком, забыл встать на ручной тормоз, и когда Инга начала движение, покатылся ей навстречу. Дистанция была невелика, но джип был тяжел – небольшой «ниссан» от тяжелого удара в передний бампер будто оказался в нокдауне. У Инги дернулась голова, Майя сзади жалобно вскрикнула. За уик-энд у нее получался второй стресс.

Из джипа, хлопая дверцами, сноровисто выбрались на разбор три плотные фигуры. Из «ниссана» вышел Корней. В первые секунды они на него не взглянули, оценивая задницу своего «лексуса». Задница была в порядке – что ей сделает-ся. На переднем бампере своего автомобиля Корней после детального осмотра усмотрел трещину. Выпрямившись, сухо констатировал:

– Вы не поставили машину на ручной тормоз.

Один из трех – с вспухшей безбровой мордой, одетый как с пикника, в шорты и пляжную рубашку, воззрился изумленно-гневно:

– А чё ты тут под жопой крутишься? Ты где должен ехать?

В голосе дрожало сиплое, тягучее похмелье. Обалдевший от этой хамской нелепицы, отвыкший от подобного за годы

бесконфликтной езды, Корней мгновенно вышел из себя, но уже не нашел, что сказать. Только стиснул зубы и посмотрел исподлобья. Двое других – похожие друг на друга, в футболках с короткими рукавами, обнажавшими бицепсы, смотрели усмешливо. И уже собирались возвращаться в салон. Они были крепкие ребята, с тремя (да и с двумя) Корней, если бы что, не сладил.

– Дистанцию надо держать, дурень, – внушительно сказал один, пережевывая резинку. Второй взялся за ручку двери.

– Я вызову ГАИ, пусть разбираются, – решительно сказал Корней, извлекая мобильник.

– Гаи-шмаи, – просипел похмельный, снова надвигаясь, – что ты тут дурку валяешь?

Двое других посмурились и набычились. Их реакция выдавала субординацию: жизненная их функция, похоже, сводилась к обслуживанию сипатого в шортах. Корней замер с мобильником у уха. Сзади щелкнула дверь его машины.

– Корней. – Голос Инги прозвучал неожиданно и резко. Будто рядом щелкнули бичом. Четверо мужчин одновременно перевели взгляды в одну точку. Скрестились на круглом, бледном, оттененном черными волосами (уложила их на затылке в узел) женском лице. У Инги подрагивали от ярости углы рта, что бывало крайне редко.

– Корней! – повторила она уже тише. – Садись, поехали. Сипатый обрел способность издавать звуки:

– О! – возгласил он. – За рулем п... – это не езда!

Его шестерки сдержанно заушмылялись. Этот момент следовало считать самым опасным. Униженный и оскорбленный хозяин «ниссана» быстро отправил в карман телефон и следующим движением, вероятно, нанес бы резкий удар снизу вверх – сипатому в подбородок. Тот стоял чуть дальше, чем нужно, и удар мог в принципе не выйти. Но... Корней ощутил странную слабость во всем теле. Вместо того чтобы ударить, он сделал лишний шаг в сторону, сжал и разжал левый кулак. Сипатый между тем предусмотрительно отступил и открыл заднюю дверку джипа, готовясь сесть. Инга коротко посигналила. Корней бессильно повел плечами и вернулся. Мельком отметил совершенно стек лянный, застывший взгляд Инги. Едва плюхнулся на сиденье, она резко крутанула руль влево, обогнула джип и, презирая движение, вылетела на кольцевую дорогу. Десятью минутами позже Инга, наконец, разжала губы и нормальным тоном спросила:

– Большая трещина? Нет?.. Ладно. Майя плохо себя чувствует, чего нам было там время терять...

– Почему я ему не врезал? – Корней провел ладонью по горящему лицу. – Почему? Какое-то мгновение промедлил... Не пойму...

– Очень хорошо, что не врезал, – сказала Инга немного рассеянным тоном, она опасалась пропустить нужный поворот. – Ты в контору-то к себе ехать не передумал?

– Нет, – улыбнулся Корней.

Когда они остановились у подъезда серой громады, Велес

чуть замешкался, защелкивая клапан темно-бордовой борсетки, Инга с водительского места неожиданно притянула его за шею и поцеловала в губы. Он слегка опешил. Инга освободила его не сразу. Майя сзади хмыкнула.

Он захлопнул дверцу и сразу же увидел Зануду Глеба, выходящего из подъезда. Манера высиживать в конторе по выходным сверхурочные тексты для клиентов была ему свойственна и служила предметом шуток. Приметив Корнея, выходящего из авто, Зануда разулыбался:

– Ты, кажется, решил вступить в наш клуб возимых мужей?!

– Если можно, пока в статусе наблюдателя, – смиренно попросил Корней.

– Я похлопочу, – пообещал Зануда, – ну, давай, успехов в труде.

И направился к стоящему в десяти шагах «опелю». Корней проводил его взглядом, пытаясь рассмотреть в окне автомобиля женское лицо.

Домой вернулся к одиннадцати – раньше, чем думал.

Немного за полночь, после колебаний, решился: вышел с мобильным телефоном на лестничную площадку и, волнуясь, набрал телефон детектива. Тот вовсе не удивился звонку, выслушал спокойно и с интересом. Пару раз уточнял. Потом, с чем-то сверившись, чуть слышно усмехнулся:

– Нет, Корней Евгеньич! Совершенно не тот номер. Да и цвет. Тот же был темно-синий... Что ж вам теперь на всякий

«лексус» в радиусе... километра реагировать?..

– Да я понимаю, – устало сказал Корней. – Ну, это у меня как рефлекс, что ли...

– Не вижу никакой связи с нашей проблемой, – спокойно ответил детектив Антон Сергеич, – просто случайность. Рядовое ДТП... Знаете, сколько таких подонков на дорогах... Слава богу, не начали рукопашной... Чем бы еще кончилось... Ну ладно. У меня будет для вас информация, только давайте через недельку.

Корней вернулся в квартиру крадучись. В холле постоял у приоткрытой двери в комнату Майи, послушал ее дыхание.

Трое в джипе

9

Вся эта хренотень началась тогда, когда они ближе к вечеру отъехали от офиса Докучая и Ленчик предложил заехать к Курскому – прикупить девок. Поскольку базаром все остались довольны и настрой был благодостным, предложение легло в масть. Адресовано оно было, собственно, Артемычу, блаженно развалившемуся на заднем. Он мог дать санкцию, но мог и не дать. Артемыч дал. Он был утомлен и расслаблен: три часа тереть с Докучаем – то еще удовольствие. И до конца ведь было не ясно: простит ли он задержку с выплатой. Оказалось – простил. И перспектива теперь строилась вполне даже реальная, а местами сладкая до одури. То есть за пятый магазин нужно было еще вносить, но четыре-то переходили в собственность Артемыча и уже приносили прибыль.

Еще не доехали до Курского, спокойно себе перли по Нижегородской в первом ряду, как вдруг Паша, сидевший за рулем, изрек:

– Оба! Смотри, стоит уже одна!

Бледное небо над Москвой еще не отпустило августовский день, вечер был еще светел и свеж. Ленчик удивился искренне:

– Ты чего порешь-то? Им рано еще. Да они здесь и не стоят.

Но Паша, взглядываясь и усмехаясь, притормозил, и они неспешно проплыли мимо пустой автобусной остановки. Ленчик пожал плечами:

– Никого ж нет! Ты чего?

Паша, однако, все так же ухмылисто скользил взглядом по обочине, и лишь спустя пару секунд усмешка его будто застыла. И была это уже не усмешка, но скорее – выражение оторопи. Сразу же машина резко рванула – Паша дал по газам. Артемыч сзади его обругал, но про эпизод тут же забыли. У Курского они парканулись, немного не доезжая, по подземному переходу перешли на другую сторону Садового кольца, дотопали вперевалку до длинного заведения без окон. Внутри было, как всегда, дымно и шумно. Девки сидели за столиками над бокалами с пойлом и вдоль стойки – тоже с пойлом и вполоборота – витриной в зал. Часто слышалась английская речь – то с русским дубовым акцентом, то с каким-то другим. Тут терлось немало гостей столицы из стран Европы – в простых с виду рубашках и джинсах, в загаре, в дорогих очках. Тут же шевелили плечами хмурые парни – тупые быки, либо охраняющие кого-то, либо пасущие. Еще крутились тощие, томные юноши, стоившие зачастую дороже девок. Кавказа, кстати, не было вовсе. Сильно и густо пахло косметикой.

Преобладал третий сорт: грудастые девицы с грубыми, на-

штукатуренными мордажами. Но можно было выискать и исключение. Паша, протолкавшись, указал Артемычу на угловой столик. Там рядом с хорошенькой китайкой тянула через соломинку сок юная блондинка с довольно правильным лицом и глазами молодой оленихи. Они протиснулись к столику ближе. Паша, опершись лапищами, низко склонился к блондинке и поинтересовался. Получив ответ, транслировал его через плечо Артемычу, который уже дышал рядом – крупный и потный. Хмыкнув, он тоже склонился к столу.

– Ну, ты чего, – сказал с принужденной усмешкой, – сбавь на сотню, тогда поладим.

Китайка, стоившая, вероятно, не столь дорого, смотрела на него во все щелки. Девушка же с глазами оленихи лишь взглянула косо.

– Мы не на рынке, – ответила с улыбкой и неожиданной дерзостью.

Паша сокрушенно щелкнул языком. Артемыч секунду еще стоял, нависая над столом, и вдруг сделал молниеносное движение правой рукой, зажал оленихе небольшой изящный нос между указательным и средним пальцами. Олениха безуспешно дернула головой и заверещала по-заячьи. За громом музыки из-за стойки ее почти не было слышно. Артемыч тут же отпустил, вошел плечом в толпу и утолкался к выходу, Паша за ним еле успел. Уже на улице Артемыч хмуро заметил:

– Оборзели они тут. Это итальяшки их избаловали. Давай,

что ли, на Ленинградку.

Паша с Ленчиком, зная, что спорить бесполезно, двинулись к машине.

Прочесали Ленинградку до Зеленограда и даже немного дальше, угодили у Кольцевой в капкан пробки, где потеряли минут двадцать. Выбирать останавливались трижды, но всякий раз Артемыч, придирчиво и хмуро заценив варианты, все отвергал. Он завелся. Это Паше с Ленчиком было знакомо.

Лиловые сумерки сошли на столицу. Вдоль трассы расцвели лимонные светила. Под одним из них компаньоны Артемыча, притормозив, попытались убедить шефа.

– Игорь Артемыч, – упрасивал Ленчик, – вон те две – рыжая и с сумочкой – ничего вроде. Вы взгляните поближе, а?

Но хозяин четырех магазинов не желал вылезать из машины: буравил товар брезгливым взглядом из салона.

– Ты спешишь, что ли? – спросил резко и скомандовал Паше, – на Волоколамку поехали. Там небось уже тоже стоят...

Развернулись у Сокола, дернули на Волоколамку. Там и вправду за мостом через Сходню стояли две – способные угодить вкусу разве что похмельного сержанта милиции или усталого дальнобойщика. Артемыч только посмотрел – строго и скорбно. Когда мчались у Красногорска, ему дозвонилась Анечка – гражданская жена. Артемыч орать на нее не стал, наоборот – ласково рассказал, как разошлись с Докуча-

ем (переживала), и объяснил, что теперь должен еще переговорить с Горбом, к которому и направляется. Горбу звонить, проверять, Анечка, ясно дело, не стала бы. Она напонила только, что завтра они собирались в театр, и от липла. У Нахабина снова тормозили, приценялись, и снова Артемыч все похерил. Поскольку дальше переть не было смысла, погнал Пашу обратно в Москву – через Кольцевую на Ленинградку. Там, после того как они очередной раз бесплодно пообщались с толстой «мамой» и ее пятью «дочками», Артемыча понесло. Он орал на Пашу и Ленчика, останавливал у ночного магазина и со скандалом покупал коньяк, материл из окошка одиноких прохожих.

Паша неожиданно предложил свернуть вправо, на Флотскую улицу: мол, там парк, там тоже стоят, и даже вдвое дешевле. Может быть, ему хотелось разрядить обстановку. Они свернули. Пустынная боковая улица была озарена йодистым светом фонарей, легко было убедиться, что вдоль обочины тут нет одиноких странниц. Артемыч собрался было обложить Пашу со всей созревшей яростью, но тут водитель радостно махнул рукой вправо:

– Смотри! Вот это супер!

Артемыч и Ленчик вытаращились в указанном направлении. Ленчик взволновался:

– Где? Я не понял?!

– Да вон она, у остановки! – Паша резко сбросил скорость. – Блондинка! Ноги-то какие! Игорь Артемыч, она голосует! Ну!

Джип медленно приблизился к пустой автобусной остановке. Паша от руля склонился к Ленчику и открытому окну.

– Подружка! Ближе подойди.

Он просунулся к окну еще ближе, тесня сильным плечом Ленчика – тот видел, как блестят веселым хищным блеском Пашины глаза. Потом эти глаза расширились. Паша резко дернулся назад, сжал руль, перевел бешеный взгляд на водителя.

– Ленька! Чего у нее с мордой-то?

На заднем сиденье шумно сопел Артемыч. Паша еще раз взглянул.

– Бля, это что? Проказа, что ли?.. Э! Да чего она в окно лезет-то?

Джип дернулся и пронесся метров двести – триста вдоль вереницы тусклых фонарей. Артемыч с Ленчиком почти одновременно заорали, и машина остановилась. Несколько секунд в салоне слышно было лишь сопение Артемыча. Потом он разом выдохнул:

– Пшел с руля! Ну! Я сказал – пшел!

Когда Паша медленно вылез, оставив дверцу открытой, хозяин добавил:

– Наркоман гребаный... С кем я работаю, бля...

Ленчик припомнил кстати эпизод, изумивший всех тремя часами раньше:

– Паха, ты чё – опять эту бабу видел? Как на Нижегородской? Ты чё – серьезно? Паш, ну, не было там никого.

Паша стоял у машины, нервно курил, поглядывал в дальний конец улицы. Он казался подавленным, только пожал плечами. Артемыч тоже выполз из салона, продолжая изливать раздражение:

– Ты чё – грибы жрешь? Павел, тебе к наркологу нужно, ей-богу. Не, ну ты болен в натуре, ты понял? Вчера жопой в чайника въехал, сегодня ему бабы мерещатся!

Ленчик попытался аккуратно вставить – в защиту:

– Игорь Артемыч, от переутомления это. И нервы опять же. Вы ж Пашу знаете, он не болен. Нервы! Вон Усмана в том году валить пришлось – опять же Паша. Все в основном на него...

Паша неожиданно откликнулся, резко выдохнув дым.

– Да Усман-то хер с ним. А вот тут! Ну, я ж ее, как тебя, видел! Сначала вроде красивая. Как кукла, бя.

– А потом?

– Потом она ближе подошла, вплотную. И вижу, бя, не поверишь, нет у нее лица! Ну, или есть чего-то, но не лицо это, а просто жуть какая-то, вроде звериного чего-то, только хуже... Поверишь, хуже!

– Так! – Артемыч подошел к Паше, набычась. – К наркологу завтра у меня пойдешь, понял?!

– Да я разве чего... – Паша выщелкнул недокуренную сигарету. – Я сам, может быть, пойду.

– Да конечно, чего там, – Ленчик поддержал, – вместе сходим, Паш. А я к кожнику. У меня, слышь, экзема на шее уже второй месяц, не пойму отчего. Нервы тоже. Как понервничаю, так на морду перекидывается.

– Все хорош! В машину, – объявил утомленный Артемыч, – нервные... Леонид – за руль. Никого больше не ищем, хватит с меня. По норам.

Они свернули в темноватый проулок, оказавшийся улицей Смольной. Им уже не нужно было выезжать на шоссе, нужно было налево, на Кронштадтский бульвар. Улочка ка-

залась короткой, а джип все еще полз будто крадучись. Паша подивился тому, что так пусто, но тут же вспомнил, что уже второй час ночи. Чувствовалось, что ему хочется поговорить... Артемыч сзади потребовал ускориться. Как ни странно, Ленчик не выполнил приказ, даже поехал еще медленнее. Из зеленоватого сумрака тихо выплыл очередной фонарь. В этой вкрадчивой тишине голос водителя прозвучал с болезненной оторопью:

– Слышь, Паш, она какая была? Высокая? Белая такая?

– Ну, – Паша задышал громче, – глаза вроде прозрачные... Поначалу.

После паузы Ленчик сипло произнес:

– Вижу ее. У фонаря.

Интонация его или внезапная хриплость голоса, возможно, подействовали даже на хозяина, который не нашелся для комментария. Джип еле полз вдоль тротуара и, наконец, чиркнув о бортовой камень, остановился. Далеко впереди в тишине взревел двигателем, выруливая на бульвар, тяжелый грузовик – рыщущий в поисках шоссе. Паша бросил дикий взгляд на водителя:

– Ну?! Видишь? А я – нет! Она, что ли, только тому, кто за рулем, грезится... Ох, бля.

Он шумно заворочался, быстро переводя взгляд то на светлое пятно под фонарем, то на бледное лицо Ленчика. Потом, поерзав, нашел толстым пальцем кнопку автоматического стеклоподъемника, жадно проследил за уходящим

вниз краем стекла и дернулся от дикого крика Ленчика:

– Окна не открывай! Не открывай!!

Пашу прижало к спинке сиденья – джип с места набрал немыслимую скорость. Несколькими мгновениями позже он уже вылетел на ярко освещенный бульвар. В этот момент его неровная траектория нашла точку пересечения с траекторией тяжелого грузовика, набравшего на пустой улице хорошую скорость. От грохота столкновения задрожали стекла в лоджиях, выходящих на бульвар девятиэтажек. Страшный удар отбросил джип метров на двадцать: грохнувшись о бортовой камень, машина перевернулась, перевалилась через крышу и рухнула на смятый борт. Основной удар пришелся в левую сторону и дверцу водителя – расплющенный Ленчик погиб мгновенно. Артемыч, сломавший шею, когда джип оказался вверх колесами, еще несколько минут хрипел. Дольше всех – до приезда скорой – с переломами и расколотым черепом прожил Паша. Когда усталый сержант светил фонариком вниз, он еще стонал. В двух шагах от протараненного джипа трое других сержантов, покуривая, спорили, почему тачка не загорелась. Когда извлекали тела, один из врачей обратил внимание на любопытную деталь. У одного из трупов уцелевшая часть лица была покрыта толстой коркой экземы.

Числа

11

Во вторник третьего сентября он взял отгул. Воспользовался правом на тайм-аут. Ингу предупредил, пояснил, что хочет съездить к стоматологу.

Ни к какому врачу он, конечно, не собирался.

Его домашние планы не были обширны, но требовали четкой ориентации во времени. Около двух из школы обычно приходила Майя. Она могла заявиться и раньше, удрав с двух последних уроков – скажем, с двух физкультур. Раннее явление означало, например, желание бросить дома рюкзачок, выудить что-либо из холодильника, быстро и алчно съесть и тут же исчезнуть вместе с подружкой, какой-нибудь Полиной, Мэгги или Дианой.

Корней предполагал сделать ей около полудня проверочный звонок. Майе было запрещено отключать сотовый.

Успеть он должен был две вещи. Во-первых, разобраться с накопительными тайниками, рассредоточенными по квартире, и в частности по полкам книжного шкафа. Во-вторых, произвести первичное антресольное исследование. Самому себе он пояснял, что не столько исполняет просьбу мужа номер один, сколько пытается подобраться к дополнительной,

пылящейся в темноте информации о прежней жизни Инги.

С тайниками все было просто. Он хотел пересчитать деньги, может быть, перераспределить их и, главное, отложить полторы штуки для детектива. В доме хранилась та часть семейных денег, которая не доверялась вороватым российским банкам.

Это было близко, на второй полке, в пухлом томе рассказов О. Генри, под крепкой старой обложкой.

Корней отмусолил несколько новеньких голубых тысячных бумажек, решив, что на неделю ему хватит. Попутно отметил естественную убыль пятисотрублевых купюр: Инга на днях вроде бы обновила косметику.

Он уже собрался было торжественно задвинуть захваченное по краям стекло, но тут внезапно вспомнил о Джеке Лондоне. В серой глыбке однотомного издания 1960 года вот уже четыре месяца томился конверт, воплощающий аккуратность г-на Велеса в отношении его долговых обязательств. В конверт был упрятан и заклеен двухтысячный долг, уже приготовленный к отдаче. В январе Корнею пришлось занять на работе у Берковича.

Корней вертел конверт в руках, рассеянно ворошил странички серого тома и недоумевал. Конверт был заклеен не так, как вначале, и оттого выглядел слегка неряшливо. Это был их фирменный конверт с наименованием фирмы, напечатанным крупным шрифтом и с клеевым слоем на узком клапане. Этим слоем аккуратный Велес, помнится, и вос-

пользовался.

Теперь же клапан конверта выглядел так, будто его наспех отодрали, а потом приладили на место с помощью грубого коллоидного клея. Скорее всего, из клеящего карандаша.

Велес вскрыл конверт. Из двух тысяч американских денег там сохранилась одна.

Хозяин конверта, добросовестный должник и кредитор, перевел несчастную тысячу в портмоне и задумался. Для Инги покушение на данную сумму не имело ни малейшего смысла. Она могла взять столько же или даже больше в рублях из фонда текущих трат, то есть из О. Генри, не задумываясь и не заботясь о реакции мужа. Да муж и не обратил бы внимания. Нет, если б она захотела, то скорее бы отделила эту тысячу от средств, спрятанных под шкафом. Раскурочивать же конверт с долгом, о котором она осведомлена, было совсем не в духе Инги. Это выглядело, вообще говоря, как-то не по-взрослому...

Корней понял. Неделю назад возле шкафа довольно долго с туманным взором бродила Майя. Корней успел раза три войти и выйти из комнаты – она все топталась у полок. Этот ординарный факт вообще-то не привлек бы его внимания, если бы не торопливая фраза падчерицы, она посчитала нужным объяснить: «Вот, Бунина ищут, нам тут прочесть отрывок задали...» Корней молча извлек ей из нижнего ряда требуемый томик, и скучная Майя, не поблагодарив, ушла.

Теперь он представлял себе. Она, конечно, могла заме-

тить, с какой полки родители черпают благосостояние. На Джека же Лондона вышла методом исключения. О. Генри, кстати, выглядывал рядом. Почему сбережение купюр вторая полка доверяла именно американским авторам, Корней не объяснил бы. Так уж вышло.

Он решил, что с этим вопросом все ясно.

Теперь нужно было успеть произвести шмон на антресолях. Корней, торопясь, притащил с кухни табуретку. Он уже досадовал, что потратил лишние минуты на возню с деньгами. И поглядывал на часы.

Велес снова отвлекся. Мельком покосившись через плечо, узрел на телефонном столике вторую Ингину сумку – темно-бежевую: с первой – черной, лаковой, она сегодня отправилась на работу. Обычно сумка хранилась в шкафу. Инга брала с собой первую или вторую в зависимости от цвета костюма.

После секундного аккуратного рытья он выудил то, о чем подумал, – дубликат телефонной книжки жены. Оригинал он стащил и изучил – совершенно безрезультатно – месяц назад. Сейчас на это тоже не следовало тратить чересчур много времени. Он быстро пролистал чистые глянцевые странички (оригинал, помнится, был замурзан), исписанные знакомым крупным почерком. Ничего интересного, ничего нового. Не было номеров без указания имени, не было номеров, обозначенных лишь инициалами. В основном все скучно, аккуратно, даже с отчествами: «...Альтшулер Лев Бор., прокто-

лог (номер), Акиншин Ст. Иг. (номер)... Головчинер Викт. Алекс., уролог (номер)... Хмельницкий Артемий Викт. ремонт, от Эллы (номер)» и так далее.

На предпоследней страничке он все же остановился. Хотя это не было похоже на номер – скорее, на торопливую запись некоего расчета: «15 2 от 3». Корней хмыкнул. Листнул страницу и нахмурился: на последнем листке, приклеенном к обложке, была воспроизведена та же запись, но уже не ручкой, а карандашом. И впрямь – похоже на напоминание. В оригинале телефонной книжки такого он, кажется, не видел. Хмурясь и кривя рот, еще раз сопоставил рядки цифр, пожал плечами и вернул книжку в чрево сумки, пахнущее духами.

Времени до прихода падчерицы оставалось совсем немного.

Темное и пыльное нутро антресоли тоже разочаровало. Из не изученных ранее предметов первейшего внимания заслуживала здоровенная спортивная сумища из кожзаменителя. Она оказалась пуста. Еще у самой стены был обнаружен рулон плотной бумаги, обернутый выцветшей газетой и заклеенный скотчем. Рулон был немалой длины – около метра. Отложив его, Корней некоторое время шарил в душной мгле. Изыскания не принесли плодов, не считая парыдохлых тараканов.

Ни альбома с фотографиями, ни старых писем не было и в помине. Муж номер один, наводивший на эти места, явно отстал от жизни.

Придя к этому выводу, муж номер два мысленно плюнул и закрыл дверцы антресоли. Повертев в руках рулон и потрогав полоски скотча, он спохватился. Пора было вызванивать Майю.

Еще раз взвесил в руке бумажную трубу – более всего было похоже на свернутый чертеж, такие обычно прячут в футляр-тубус, – и отправил ее обратно: к дальней стене антресольного убежища. В принципе предмет заинтересовал его мало. Но при случае, которого нужно было еще ждать, можно было бы попробовать его распаковать.

Майя явилась, как назло, не одна, с Анжелой – рыжеватой, очень длинной и нескладной девицей из параллельного девятого.

– Котлеты из индейки в холодильнике, – предложил Корней.

Майя, расплескивая воду, весело умывалась в ванной. Сквозь плескание осведомилась у подружки:

– Жрать со мной будешь?

– Не. Ты журнал дай, и я пойду. А то там Тем ждет. – Анжела, кажется, была слегка смущена наличием неуместного родителя.

Заграбастав толстое гляцевое издание – к изумлению Корнея, это был Men's health, – она подхватила сумку и испарилась. Разговор Корней решил отложить на после обеда. Пятнадцатилетний ребенок должен нормально поесть после школы.

Перекусив, Майя принялась куда-то суетливо собираться, переделась в брючный костюм светлосерого цвета и теперь мудрила с прической перед зеркалом в холле.

– Можно тебя на минутку? – Корней возник на пороге их с Ингой комнаты.

Майя насуплено покосилась, но спрятала щетку в карман, прошла вслед за отчимом и остановилась у стенки с портре-

том юной Инги.

– У меня к тебе один вопрос, – начал Корней. – Но сначала хочу сказать одну вещь. Одну вещь... И раньше, и теперь, и... всегда ты можешь полностью рассчитывать на меня... в плане финансирования твоих... проектов.

Он сделал паузу, Майя, сохраняя на лице хмуро-подозрительное выражение, медленно кивала. После чего легко вздернула голову и вздула падающую на лоб челку. Что означало волнение.

– Мне в данный момент хотелось бы лишь знать, – продолжил Корней, чуть понизив голос, – зачем тебе была нужна эта тысяча? Заранее могу сказать, что ты сможешь оставить ее себе... Но. Сама знаешь, что меня может волновать. Наркотики, ну и... что-то подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.